

Война и мир

Константин СИМОНОВ

РУССКИЕ ЛЮДИ

ПЬЕСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИЗО СССР
1962

30

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

--	--	--

185431-1

Константин СИМОНОВ

РУССКИЕ ЛЮДИ

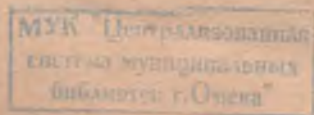
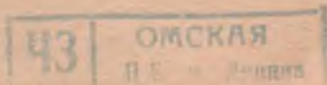
ПЬЕСА

инв 1529/6

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1942

СЗ 7

185431 - 1

РУССКИЕ ЛЮДИ

Пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИВАН НИКИТИЧ САФОНОВ, 32 лет, — командир автобата.
МАРФА ПЕТРОВНА, 55 лет, — его мать.
БАЛЯ АНОЩЕНКО, 19 лет, — шофер.
АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ВАСИН, 62 лет.
ИВАН ИВАНОВИЧ ГЛОБА, 45 лет, — военфельдшер.
ПАНИН — корреспондент центральной газеты.
ИЛЬИН, 25 лет, — политрук.
ШУРА, 27 лет, — машинистка.
ХАРИТОНОВ, 60 лет, — врач-венеролог.
МАРИЯ НИКОЛАЕВНА, 55 лет, — его жена.
КОЗЛОВСКИЙ — он же ВАСИЛЕНКО — 30 лет.
МОРОЗОВ.
ГАВРИЛОВ.
ЛЕЙТЕНАНТ.
СТАРИК.
ЛУКОНИН, 32 лет, — генерал-майор.
СЕМЕНОВ.
РОЗЕНБЕРГ.
ВЕРНЕР.
КРАУЗЕ.
НЕИЗВЕСТНЫЙ.
РАВЕННЫЙ.

Командиры, красноармейцы, немецкие солдаты.

Место действия — Южный фронт.

Время действия — осень 1941 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Комната с большой русской печкой, с иконами в углу. Рядом с ними припилена большая фотография Сафонова в кепке и шоферских рукавицах. На сцене вечер. Марфа Петровна сидит за картами. Против нее Мария Николаевна в пальто.

МАРФА ПЕТРОВНА (отрываясь от карт). А то, может, разденешься?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Нет, нет, я не надолго.

МАРФА ПЕТРОВНА. А помнишь, Маруся, как мы на женихов с тобой гадали, а? Это в каком году-то было? Дай бог памяти. Это было в году... в тысяча девятьсот восьмом году это было. Думали все, какие они явятся? Ах, хорошие, наверно. И вот оказалось все напротив. Мой и пожить со мной не успел — помер. А твой — ты извини — какой гадюкой оказался.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Марфа Петровна...

МАРФА ПЕТРОВНА. Ты уж извини, — гадюка. Говорю, что думаю.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Ну, а что же ему было делать? Что же ему было делать? Пришли, стали в доме жить. А потом городским головой назначили. Он не хотел.

МАРФА ПЕТРОВНА. Верю, что не хотел, но у него главная мысль не об этом. Ему все равно, кем быть. Его главная мысль, чтобы живым остаться. Раз струсил, два струсил, три струсил, а дальше до подлости дошел. Ты мне не говори, я его тоже знаю. *(Наклоняется над картами.)* И выходит тебе, Маруся, казенный дом. А дальней дороги тебе не выходит. Как тут жила, так и померешь, дура душой. Вот сын твой придет с войны, он вас отблагодарит. Скажет: спасибо вам, родители, за то, что фамилию мою опоганили, отмыть нечем. Вот, что он вам скажет.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Если бы только жив был... Я от него из Тирасполя последнее письмо получила.

Стук в дверь.

МАРФА ПЕТРОВНА *(идет к двери).* Кто там?
ГОЛОС. Быстрей.

Марфа Петровна подымает крючок. Входят лемецкий фельдфебель, солдат и Козловский. Козловский в пальто, в полувоенной фуражке, с полицейской повязкой на рукаве.

КОЗЛОВСКИЙ. Сюда женщина входила? *(Замечает сидящую за столом Марию Николаевну, подходит, быстро поворачивает ее за плечи.)* Простите. Как вы сюда попали?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Подруга детства. Здравствуйте.

КОЗЛОВСКИЙ. Здравствуйте... (Смотрит на карты.) Ах, гаданье... тройка, семерка, туз... Давно вы здесь?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Давно.

КОЗЛОВСКИЙ (поворачивается к фельдфебелю). В следующий дом. Тут нет. (Выходят.)

Марфа Петровна, заперев дверь на крючок, брезгливо вытирает руку о висящее у двери полотенце.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Козловский. Знаете, как первый день познакомились с ним, милый был человек. Каких-то родственников своих здесь вспоминал; дядю пятнадцать лет не видал, говорил. Сидел, чай пил... А сейчас просто страшен. Дергается весь.

МАРФА ПЕТРОВНА. Погоди, погоди, и твой тоже дергаться будет. Люди, когда до окончательной подлости доходят, так сразу дергаться начинают. Эх, ты! Взjala бы в платочек платишки связала, с чем пришла тридцать годов назад, да и ушла бы от него. А немцам порошку бы на прощанье всыпала. Да где уж там... А ведь хорошая ты девка была, красивая, веселая. Где все, скажи, пожалуйста?..

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Я пойду. Поздно уже. Но только не думайте так плохо...

МАРФА ПЕТРОВНА. Иди уж! Тошно будет — заходи. Сперва поворчу, потом пожалею. Тебя, конечно. А твоего мне не жалко. Тьфу! Ну его к

чорту. (Провожает гостью, закрывает дверь на крючок, прислушивается. Потом громко, повернувшись к печке, говорит.) Ну.

С печки легко соскакивает Валя в куртке и мужских сапогах.

МАРФА ПЕТРОВНА. Ну вот, и проехали гости. Сердце-то колотилось, небось?

ВАЛЯ. Ага.

МАРФА ПЕТРОВНА. Все ж таки страшно!

ВАЛЯ. Ага.

МАРФА ПЕТРОВНА. Эх ты, разведчица! Чаю-то хочешь?

ВАЛЯ. Ага.

МАРФА ПЕТРОВНА. Что ты мне все «ага» да «ага», как басурманка. Ты скажи: «Спасибо, тетенька, премного благодарна, налейте мне чаю».

ВАЛЯ. Спасибо, тетенька, налейте чаю.

МАРФА ПЕТРОВНА. Вот то-то.

Далекие выстрелы.

Опять стреляют. (Пауза.) Скажи-ка, девушка, а вот ко мне тут мужчина от вас являлся, про сына говорил, привет передавал. Ну, это, конечно, прочих дел не считая. Где тот мужчина, цел или нет?

ВАЛЯ. Его вчера в бою убили. Потому меня и послали, что он не мог.

МАРФА ПЕТРОВНА. Да, видный был человек. А ты, что, девушка, через лиман вплавь, что ли?

ВАЛЯ. Вплавь. (Пауза.) Когда он придет, а?

МАРФА ПЕТРОВНА. Придет в свое время. Сейчас на улицах все патрули ихние топают. Вот

оттопают, пойдут свой кофий пить, вот он и придет как раз. Человек он такой, аккуратист.

ВАЛЯ. Как его звать-то?

МАРФА ПЕТРОВНА. Как раньше звали, не помню, а теперь Василием зовут. Теперь всех у нас так зовут: кого Василием, кого Иваном...

ВАЛЯ. Я ведь тут раньше шофером у председателя горсовета работала, так что я многих знаю.

МАРФА ПЕТРОВНА. Шофером? Ну, тогда, может, и знаешь. Он, говорят, до немцев известный человек был в городе.

ВАЛЯ. Кто он?

МАРФА ПЕТРОВНА. Да Василий.

За окном близкий выстрел.

Вон, опять бьют. А ты говоришь, почему не идет. Придет в свое время. Ты лучше чайку попей.

ВАЛЯ. Ой, дайте.

МАРФА ПЕТРОВНА (наливает чаю). Ишь какая. Пришла, целый кувшин воды сразу, а теперь чаю.

ВАЛЯ. Да ведь нет у нас там воды. Водокачку взорвали. Стакан на день, хоть из лимана соленую пей!

МАРФА ПЕТРОВНА. Да... времена. (Пауза.) Ну, а сын-то, живой, что ли? Все командует у вас там?

ВАЛЯ. Командует. Он вам передавал поклон низкий. (Замечает карточку на стене.) А это что, он?

МАРФА ПЕТРОВНА. Оп. Да ты на карточку не гляди. Он не так, чтобы интересный из себя, но зато орел-парень.

ВАЛЯ. Его у нас любят все.

МАРФА ПЕТРОВНА. Это у него с детства. Он отродясь заводилой был.

ВАЛЯ. И маленький когда был, тоже?

МАРФА ПЕТРОВНА. Ох, не приведи господи. Только ко мне и ходили с жалостями на него. Ну, а я говорю: лови. Поймаешь — уши надеру, а не поймаешь, — значит ушел, его счастье. (Задумчиво.) А ты что это интересуешься, девушка?

ВАЛЯ. Так просто.

МАРФА ПЕТРОВНА. А-а. А то я подумала, вы...

ВАЛЯ. Что подумали?

МАРФА ПЕТРОВНА. Может, любовь у вас...

ВАЛЯ. Нет. Он только шутить любит. У меня, говорит, мой шофер вместо невесты. Меня невестой объявил. Все невеста, да невеста.

МАРФА ПЕТРОВНА. Невеста? Да разве это звание сейчас есть?

ВАЛЯ. А вы что, против него?

МАРФА ПЕТРОВНА. Я не против, а только не время сейчас в невестах-то сидеть. Сегодня невеста, а завтра вдова. Так женой и не будешь.

ВАЛЯ. Так «невеста» — это ж он в шутку.

МАРФА ПЕТРОВНА. Ну, если в шутку. (Пауза.) Сейчас жизнь такая, мало в ней шуток. Ты хоть глазком-то глянула, когда немцы были?

ВАЛЯ. Нет, я только голоса слышала. Я шевельнуться боялась.

МАРФА ПЕТРОВНА. По-русски говорил — это с ними Козловский был. Нездешний человек и подлый. Они его из Николаева привезли. А это, я считаю, хорошая примета, что привезли, потому что, значит, подлецов им в каждом городе нехватает. Одних и тех же из города в город возить приходится. (*Прислушивается, потом смотрит на стенные часы-ходики.*) Ну, вот, теперь они кофий пьют. Это ежели уж нагрянут теперь, то, значит, бог попустил. (*Не сходя с места, говорит.*) Василий? (*Молчание.*) А, Василий? (*Валя невольно смотрит на дверь.*) Василий? (*Из-за занавески, в дверях соседней комнаты, потягиваясь, показывается бородатый мужчина.*)

МОРОЗОВ. Ой, Марфа Петровна, и вздремнул я крепко.

МАРФА ПЕТРОВНА. Даже немцы не побудили?

МОРОЗОВ. Нет, на немцев у меня свое чутье, а как вы с девушкой журчать стали, так я опять заснул, — думаю, пускай поговорят. (*Жмурясь от света, садится.*) Ох, и темно же у тебя в подполье.

ВАЛЯ (*внимательно всматривается в него и вдруг всплескивает руками*). Сергей Иваныч!

МОРОЗОВ. Я вам, товарищ водитель, не Сергей Иваныч, а Василий. Ясно?

ВАЛЯ. Ясно.

МОРОЗОВ. И я вам, товарищ водитель, не Морозов, а тоже Василий. Ясно?

ВАЛЯ. Ясно.

МОРОЗОВ. И я вам, товарищ водитель, не председатель горсовета, а опять-таки Василий. Тоже ясно?

ВАЛЯ. Тоже ясно.

МОРОЗОВ (шутливо). Ну, а раз все ясно, то где же машина? Опять наверно не в порядке? Опять что-нибудь там? Рессора лопнула, да? Или как?

ВАЛЯ. Все вы шутите, Сер... Все вы шутите.

МОРОЗОВ. Да. Все мы теперь шутим. Шутим, товарищ водитель.

ВАЛЯ. Мы, значит, вас-то и ждали?

МОРОЗОВ. Выходит, что нас. Ну, давай цыдульку-то. (Валя достает из-за пазухи маленькую бумажку.) Ну а ежели бы немцы?..

ВАЛЯ. Проглотила бы.

МОРОЗОВ. Ну ладно, коли так. (Читает бумажку.) Да уж придется вам, товарищ водитель, тут суточки посидеть. Тут мне такое воззвание прислали. Это не просто гранату в комендатуру кинуть. Это размышлений требует. Ну, что там слышно у вас в обороне вашей?

ВАЛЯ. От лимана до поселка — наши. На Заречной — наши. И потом кругом по Ряжской и до лимана обратно, а кругом немцы.

МОРОЗОВ. Ясно, немцы. Они на тридцать верст туда ушли уж. Вот, как говорят, не чаяли, не гадали, в тылу немецком оказались. Ну, что ж,

война. Бывает. У вас-то хоть в полгороде, за лиманом, советская власть, а у нас — немецкая.

В дверь кто-то тихо скребется. Морозов вытаскивает револьвер. Марфа Петровна показывает, чтобы они уходили. Валя залезает на печку. Морозов уходит за занавеску. Марфа Петровна подходит к двери.

МАРФА ПЕТРОВНА. Кто там?

В дверь опять скребутся. Марфа Петровна открывает дверь внутрь, и через порог падает на пол комнаты окровавленный человек в штатском, видимо, сидевший, прислонясь к двери. Марфа Петровна молча втаскивает его и, закрыв дверь, на крючок, становится около него на колени.

Ты кто есть?

ЧЕЛОВЕК (слабым голосом). А тут кто?

МАРФА ПЕТРОВНА. Мы, свои.

ЧЕЛОВЕК. Водички...

МАРФА ПЕТРОВНА. Девушка!

Валя слезает с печки.

Подай воды. Подыдем его.

ЧЕЛОВЕК (услышав, качает головой). Не надо. Тут есть кто? Мне сказать надо... Я помру сейчас.

МАРФА ПЕТРОВНА (оставляет Валу с ним). Пон, пой его, девушка. (Идет за занавеску и говорит негромко.) Василий!

ЧЕЛОВЕК. Это что, это свои?
ВАЛЯ. Свои, свои...

Входит Морозов.

ЧЕЛОВЕК. Я из окружения шел... Они... меня увидели и вот... А документы взяли они... моя фамилия... Водицы...

ВАЛЯ (дает ему еще воды). Ну, фамилия?

ЧЕЛОВЕК. Моя фамилия... Ой, водицы...

Ему дают еще воды. Человек, вздрогнув, затихает. Валя опускает его голову. Смотрит на его пиджак, у которого выворочены карманы и распороты рукава.

ВАЛЯ. Ой, как разорвали все. Искали.

МОРОЗОВ (поднимается, стоит — руки пошвам). Ну, что ж, прощай, неизвестный товарищ. (Молчание.) Следы крови, небось, на улице остались. Утром притти могут. Оденься-ка, мать, да на улицу с метелкой. Посмотри, как оно там? (Неожиданно стирает слезу рукавом.) Вот, кажется, и привык, а жалко людей. (Смотрит на Валью.) А ты что ж, водитель, не плачешь?

ВАЛЯ. Не могу. Я уже все видала, Сергей Иванович, что и не думала никогда видеть — впадала. Не могу плакать. Слезы все.

Конец первой картины

Каргина вторая

*Штаб Сафонова. Рассвет. Прокуренная комната
какого-то железнодорожного помещения. Не-
сколько дверей. Сафонов, Ильин. За машинкой —
Шура.*

САФОНОВ. Одиннадцатый день. И Крохалева позавчера убили. Или нет, когда? Ты у меня какой день за комиссара? А, Ильин?

ИЛЬИН. Два дня. Нет, три.

САФОНОВ. Три? Дни через эту бессонницу мешаются. Ты вызвал этого... Васина?

ИЛЬИН. Вызвал.

САФОНОВ. Хороший старик, говорят?

ИЛЬИН. Говорят.

САФОНОВ. Он у меня начальником штаба будет, если хороший. А звание я ему восстановлю по случаю нашей полной осады. Да, Ильин, мало людей остается.

ИЛЬИН. Вали второй день нет. Неужели ее немцы взяли?

САФОНОВ. Не хочу я этого слышать. (Пауза.) Нет, ты мне скажи, почему мужики такие сволочи? Девка вызывается в разведку итти, а вы молчите.

ИЛЬИН. Женщине легче. Я могу пойти, если надо. Только толку не будет.

САФОНОВ. Это верно. А писателя вызвал?

ИЛЬИН. Вызвал.

САФОНОВ. Я его хочу начальником особого отдела.

ИЛЬИН. А разве Петров совсем?

САФОНОВ. Что, совсем? Умер. Вот тебе и совсем. Шура его вылечить обещала, а не вылечила, соврала.

ШУРА. Я около него двенадцать часов сидела. Я ему голову держала. У меня руки болят, я печатать не могу. Вот видите, как дрожат, а вы говорите...

САФОНОВ. Это все история. Это мы потом тебе благодарность вынесем, а теперь — не вылечила, соврала, вот что я сейчас знаю.

Открывается дверь. Входит Васин, очень высокий, сутуловатый, с бородой, в штатском пальто, подпоясав ремнем. На плече винтовка, которую он носит неожиданно ловко, привычно.

ВАСИН. По вашему приказанию явился.

САФОНОВ. Здравствуйте, садитесь.

ВАСИН. Здравия желаю.

САФОНОВ. Вы в техникуме военное дело преподаете?

ВАСИН. Преподавал. Сейчас, как вам известно, у нас отряд.

САФОНОВ. Известно. Сколько потеряли студентов своих?

ВАСИН. Шесть.

САФОНОВ. Да... Садитесь, пожалуйста. Курить хотите?

ВАСИН (берет папироску). Благодарю.

Зажигает спичку, дает прикурить Сафонову. Прикуривать тянется Ильин. Васин неожиданно ту-

шит спичку. Ильин удивленно смотрит на него.
Васин чиркает другую спичку.

Простите. Старая привычка: третий не прикуривает.

САФОНОВ. Блажь. Примета.

ВАСИН. Не совсем. Это, видите ли, с бурской кампании повелось. Буры стрелки весьма меткие. Первый прикуривает — бур ружье взял, второй прикуривает — прицелился, а третий прикуривает — выстрелил. Так что, вот откуда примета. Почву имеет.

САФОНОВ. Вы, я слышал, в русско-японской участвовали?

ВАСИН. Так точно.

САФОНОВ. И в германской?

ВАСИН. Так точно.

САФОНОВ. А в гражданской?

ВАСИН. В запасных полках, по причине инвалидности.

САФОНОВ. А в германскую войну, я слышал, вы награды имели?

ВАСИН. Так точно. Три «георгия».

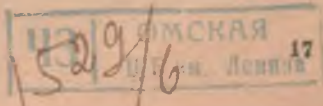
САФОНОВ. Целых три? А чем доказать можете?

ВАСИН. В данное время не могу, так как с собой не ношу, а доказать могу тем, что храню.

САФОНОВ. Храните?

ВАСИН. Так точно, храню.

САФОНОВ. «Георгия» — это ведь за храбрость давали?

ВАСИН. Так точно.

САФОНОВ (после паузы). Вас Александр Васильевич зовут?

ВАСИН. Так точно.

САФОНОВ. Так вот, Александр Васильевич. Хочу я вас к себе в начальники штаба взять. Как вы считаете, а?

ВАСИН. Как прикажете.

САФОНОВ. Да что ж, прикажу. Как здоровье-то ваше? Можете?

ВАСИН. Полагаю, что могу.

САФОНОВ. Город хорошо знаете?

ВАСИН. Здешний уроженец. Родился здесь в тысяча восемьсот семьдесят девятом году.

САФОНОВ (мысленно считая). Однако старый вы уже человек.

ВАСИН. Совершенно верно.

САФОНОВ. А вот опять воевать приходится.

ВАСИН (пожимая плечами). Разрешите приступить к исполнению обязанностей. Вы приказом отдали?

САФОНОВ. Отдам. (К Шуре.) Печатай: «Приказ № 4 по гарнизону. Начальником штаба обороняемого города назначаю...» (К Васину.) Ваше как звание-то? (Прислушивается. Прерывает. Слышатся далекие пулеметные очереди.) Это на лимане, по-моему, а? (Прислушивается.)

ВАСИН (прислушиваясь). Так точно, на лимане у левого брода.

САФОНОВ (Ильину). Поди, свяжись с Заречной. (К Шуре.) Она где туда переходила?

Ильин выходит.

ШУРА. У брода.

САФОНОВ. Ведь все тихо было, а?

ШУРА. Тогда тихо.

САФОНОВ. Да. (В задумчивости ходит. Васин ждет.)

ВАСИН. Вы спросили...

САФОНОВ (спохватившись). Я говорю, вы какое звание в старой армии имели?

ВАСИН. Штабс-капитан.

САФОНОВ. Ну, штабс — этого теперь нету. Значит, капитан. А из Красной Армии с каким званием в запас уволены?

ВАСИН. В тысяча девятьсот двадцать девятом году, по инвалидности, в должности комбата.

САФОНОВ. Ну, комбата теперь тоже нет. Значит, майор. (К Шуре.) Значит, пиши: ...назначаю майора Васина А. В. (Пауза.) У меня шинели для вас нет. У меня тут только шинель комиссара моего осталась, так вы ее возьмите и носите.

ВАСИН. Разрешите заметить, что это будет незаконно.

САФОНОВ. Знаю, что незаконно. А что же мне прикажете, чтобы у меня начальник штаба вот так, в лапсердаке, ходил? Я вам должен звание присвоить, хотя и права не имею. Коли до

наших додержимся,—так и быть, простят они это нам с вами. Что, еще возражать будете?

ВАСИН. Нет. Разрешите приступить к исполнению обязанностей.

САФОНОВ. Приступайте. Пойдем в ту комнату. Я тебе, Александр Васильевич, карту покажу. Только погоди. На дворе-то с утра холодно? Я еще не выходил.

ВАСИН. Так точно, холодно.

САФОНОВ. Шура! У тебя там где-то бутылка стояла, а? (Наливает в жестяные кружки.) Водку-то пьете?

Васин молча выпивает.

Как вижу, лишних слов не любишь?

ВАСИН. Точно так, не люблю.

САФОНОВ (вздыхая). А я вот, есть грех, люблю. Ну, это ничего, это пройдет. Ты мне напоминай, в случае чего. Будешь?

ВАСИН. Так точно. Буду.

Выходят. Шура, бросив машинку, прислушивается. Когда она не стучит, стрельба за окнами слышнее. Входит Панин в накинутаой на плечи шинели с одной шпалой. По-штатскому кланяется Шуре, снимает и кладет мешающую ему фуражку.

ПАНИН. Здравствуйте, Шурочка.

ШУРА. Здравствуйте.

ПАНИН. Как поживаете, Шурочка?

ШУРА. Хорошо. (*Возвращает ему тетрадку.*) Я прочла, товарищ Панин. Мы вчера вечером сидели с Валечкой и плакали. Это вы сами написали?

ПАНИН. Нет, я стихов не пишу. Это мой товарищ написал. Мы с ним вместе на Западный фронт ездили.

ШУРА. А где он сейчас, здесь?

ПАНИН. Нет, его убили.

• ШУРА. Неправда.

ПАНИН. Я тоже, Шурочка, сначала думал — неправда, а потом, оказалось, — правда.

ШУРА. Мы позавчера ночью сидели. Печку зажгли. Капитан на полчаса спать лег, а мы с Валечкой все читали и плакали. А потом Валечка собралась — и туда, в разведку пошла. А капитан открыл глаза и меня спрашивает: «Вы чего тут с ней читали?» И я ему опять прочла все. А он грустный лежал. «Хорошо», — говорит. Расстроился даже.

ПАНИН. Капитан?

ШУРА. Ну, да, капитан. А чего вы удивляетесь?

ПАНИН (*пожимая плечами*). Так...

ШУРА. Он еще оттого расстроился...

САФОНОВ (*входя*). А, писатель! Здорово.

ПАНИН. Привет.

САФОНОВ. Шура! Выдь-ка на минутку.

Шура выходит. Тихо.

Тут у нас теперь, писатель, дело такое. Сил нету больше. Мало сил. Ты себя к этой мысли при-

учил, что помирать, может, тут придется, вот в этом городе, а не дома? И вот сегодня-завтра, а не через пять лет. Приучил?

ПАНИН. Приучил.

САФОНОВ. Это хорошо. Жена у тебя где?

ПАНИН. Не знаю. Наверно, где-нибудь в Сибири.

САФОНОВ. Да. Она в Сибири, а ты вот тут. «В полдневный жар в долине Дагестана...» В общем, ей и не снилось, какой у нас тут с тобой переплет выйдет. Положение такое, что мне теперь писателей тут не надо. Так что, твоя старая профессия отпадает. (Пауза.) Член партии?

ПАНИН. Кандидат.

САФОНОВ. Ну, все равно. Петров ночью умер сегодня. Будешь начальником особого отдела у меня.

ПАНИН. Да... но...

САФОНОВ. Да — это правильно, а но — это уже излишнее. Мне, кроме тебя, никого. А ты — человек с образованием, тебе легче незнакомым делом заниматься. Но чтоб никакой этой мягкости. Ты забудь, что ты писатель.

ПАНИН. Я не писатель. Я журналист.

САФОНОВ. Ну, журналист, — все равно, забудь.

ПАНИН. Я уже забыл.

Открывается дверь и входит Валя. Она вся мокрая, в распахнутом пальто, в платке, сбившемся назад с головы.

ВАЛЯ. Товарищ капитан...

САФОНОВ. Будь ты неладная. (Бросается к ней, неловко целует в щеку, отпускает.) Что же ты людей с ума сводишь, а?

ВАЛЯ. Я все сделала, товарищ капитан.

САФОНОВ. Ну, и хорошо. Но ты что думаешь, нам только это и важно? А что ты есть — живая или мертвая, — нам это тоже важно, может быть. Понятно? В кого из пулемета стреляли? В тебя?

ВАЛЯ. Ага.

САФОНОВ. Да ты же обмерзла вся. Шура! (Кричит.) Шура!

ВАЛЯ. Товарищ капитан, разрешите доложить...

САФОНОВ. Никаких доложить. Сушись иди.

ВАЛЯ. Никуда я не пойду, прежде чем не доложу. Понятно?

САФОНОВ. Говорю тебе, иди сушись, потом... (Останавливается под ее взглядом.)

ВАЛЯ. Понятно?

САФОНОВ. Понятно, понятно. Ну, давай скорей. (Слушает ее нетерпеливо, стоя у стола и постукивая пальцами.) Была?

ВАЛЯ. Была.

САФОНОВ. Передала?

ВАЛЯ. Передала.

САФОНОВ. Пакет где?

ВАЛЯ. Вот.

САФОНОВ. Иди сушись.

ВАЛЯ. Нет, еще не все.

САФОНОВ. Ну?

БАЛЯ. Морозов велел передать, что завтра ночью переправлять будут, чтобы не стреляли.

САФОНОВ. Все? Сушиться иди.

БАЛЯ. Нет, не все.

САФОНОВ. Ты же зубами стучишь, дура. Сушись, говорю.

БАЛЯ. Он велел передать, что в два часа ровно.

САФОНОВ. Все?

БАЛЯ. Все.

САФОНОВ (входящей Шуре). Ну, иди, грей ее там. Я же не могу. Дай ей чего-нибудь. В крайнем случае, мой полушубок, штаны дай. Ясно?

ШУРА. Ясно, товарищ капитан. (Выходит в другую комнату.)

САФОНОВ. Проклятая девка.

ПАНИН. Почему проклятая?

САФОНОВ. Упорная.

ПАНИН. Это хорошо.

САФОНОВ. А я разве говорю, что плохо? Я любя говорю, проклятая.

ПАНИН. Любя?

САФОНОВ (услышав неожиданную интонацию этого слова). Ну, да, сочувствуя. Что же я, человека на смерть пустил, так я за него уже и волноваться не могу? А если его нет два дня?..

ПАНИН. Кого — его?

САФОНОВ. Ну, ее. Что же ты ко мне, писатель, привязался.

ПАНИН. Опять писатель?

САФОНОВ (улыбнувшись). Прости, пожалуйста, товарищ начальник особого.

В комнату входит Васян. Он в сапогах и в ките-
ле старого образца, с кожаными футбольными
пуговицами. На плечах у него шинель с двумя
полевыми шпалами.

ВАСИН. Товарищ капитан, португез у вас
есть?

САФОНОВ. Что? Есть, есть португез, найдем.
(Подходит к Васину, берет его за пуговицу, ра-
достно.) Ага, помню. Это в тысяча девятьсот два-
дцать пятом году такие в армии носили; пом-
нишь, Панин? С такими пуговицами. Да?

ВАСИН. Совершенно верно.

САФОНОВ. Хорошие пуговицы.

Из другой комнаты выходит Валя в галифе ка-
питана, в сапогах, закутанная в полушубок, креп-
ко прижимая его руками к груди.

ВАЛЯ. Ох, как тепло, Шурка, в капитанском
полушубке. Прямо мехом к телу... Хорошо. (За-
метив Сафонова.) Спасибо, товарищ капитан.
(Пауза.)

ИЛЬИН (входя). Капитан, к аппарату.

САФОНОВ. Пойдем, Александр Васильевич;
пойдем, начальник особого. (Выходит.)

ВАЛЯ. А я их не заметила. Ну, ничего. Он и,
правда, знаешь, какой теплый. А я замерзла...
вода, знаешь, даже льдинки в ней. Еле доплыла.

ШУРА. А он тут переживал.

БАЛЯ. Кто это он?

ШУРА. Капитан.

БАЛЯ. Это почему же?

ШУРА. Не знаю. Может, ты знаешь?

БАЛЯ. Нет. (Пауза.) Все ты врешь, Шурка.

ШУРА. Ей-богу.

БАЛЯ. Ой, холодно. (Поеживается.) Вот даже в полушубке, а все-таки холодно. А знаешь, Шура, я думаю, наверно, мне скоро опять итти.

ШУРА. Да ну?

БАЛЯ. Наверно.

ШУРА. Неужели капитан тебя опять пошлет? Я просилась, а он не велит. Почему?

БАЛЯ. Потому, что я здешняя. Вот и все. А ты не здешняя.

ШУРА. Опять тебя. А сам переживает. (Пауза.) Я на него иногда гляжу,— а у него глаза озорные, даже страшно. Он, наверно, до войны озорник был. Беда для баб.

БАЛЯ. Он некрасивый.

ШУРА. Это ничего, что некрасивый. А все равно, озорник был, я знаю. А сейчас притих. Он что тебе, не нравится?

БАЛЯ. Нет.

ШУРА. А когда понравится?

БАЛЯ. После войны.

ШУРА. А война, она, знаешь, какая будет?

БАЛЯ. Какая?

ШУРА. А вдруг длинная, предлинная. Нельзя после войны. Не скоро.

ВАЛЯ. Ничего, я терпеливая.

ШУРА. А я нет.

Молчание. Входят Ильин и Козловский, одетый в рваное штатское платье.

ИЛЬИН. Где капитан?

ВАЛЯ. В той комнате.

ИЛЬИН (Козловскому). Садитесь. Замерзли? Водки хотите?

КОЗЛОВСКИЙ. Не откажусь.

ИЛЬИН. Шура, налей водки товарищу.

Шура наливает в жестяную кружку водки. Козловский пьет.

КОЗЛОВСКИЙ. Ну, вот. А то прямо из воды — и еще ведут тебя через город.

ИЛЬИН. А вы что же думали? Сразу: переправился — полное доверие, да?

КОЗЛОВСКИЙ. Нет, я не думал, но все же... Немцы-то стреляли по мне. Довольно наглядно было. Как по-вашему?..

ИЛЬИН. Что верно, то верно. Потому и водки даем, что наглядно.

Входит Сафонов.

Товарищ капитан. Вот переправился с той стороны, от немцев.

САФОНОВ (подходя к Козловскому). Здорово! (Пожимает ему руку.) Откуда идешь?

КОЗЛОВСКИЙ. Из-под Николаева пробираюсь.

САФОНОВ. Так. Чего же это ты? Уже лиман перешел, а потом назад, к нам?

КОЗЛОВСКИЙ. Я узнал в городе, что тут, на поселке, еще наши,—хоть в окружении, да все-таки наши. Я и подумал: чем дальше идти, дойдем ли — нет ли, а тут переплыл, и готово.

САФОНОВ. Документов, небось, нет?

КОЗЛОВСКИЙ. Есть.

САФОНОВ. Ишь ты. С документами.

КОЗЛОВСКИЙ. Девушки, у вас ножниц нет?

ШУРА. Зачем?

КОЗЛОВСКИЙ. Вот, пороть нужно рукав.

Валя подходит к нему, помогает распороть рукав.

Партбилет без корочки, конечно. Но главное сохранилось, верно?

САФОНОВ (рассматривая вымокший партбилет). Верно. Какое звание-то?

КОЗЛОВСКИЙ. Младший политрук Василенко, Иван Федорович.

САФОНОВ. Тезки, значит. Что, замерз?

КОЗЛОВСКИЙ. Замерз.

САФОНОВ. Согрели тебя?

КОЗЛОВСКИЙ. Согрели.

САФОНОВ. Это насчет воды у нас плохо, а водка — это у нас есть. Только знаешь, такая жажда бывает, что без воды и водки пить не хочется. Ну, по случаю спасения придется тебе все-таки стакан чаю сварить. Шура, а Шура?

ШУРА. Сейчас.

САФОНОВ. Ты, давай, сейчас иди спи. Хочешь?

КОЗЛОВСКИЙ. Хочу.

САФОНОВ. Там моя шинель лежит. На ней устройся. А потом мы тебе проверку сделаем и к месту определим. Мне каждый человек нужен. Я тебе отпуск по случаю твоих переживаний не могу дать. Понятно?

КОЗЛОВСКИЙ. Понятно.

САФОНОВ. Иди. Она тебе чай туда принесет. *(Похлопывая по плечу, провожает в другую комнату.)*

ВАЛЯ *(что-то мучительно вспоминая)*. Вот не видала я его. Не видала, а голос слыхала. Где я могла его голос слышать?

САФОНОВ. Голос слыхала. Фантазия одна. Что он, Шаляпин, что ли, чтобы его по голосу запоминать?

ВАЛЯ. Нет, я слышала, Иван Никитич.

САФОНОВ. Опять свое. Ты чего бегаешь? Тебе тоже спать надо. Ясно?

ВАЛЯ. Ясно.

САФОНОВ. Ну, и иди, пожалуйста. А то: голос слыхала. Увидала — интересный военный, конечно, познакомиться сразу захотелось. «Где-то я вас встречала, да где-то я ваш голос слыхала...» Ну, это я шучу, конечно. Ты, главное, спать иди, вот что.

Валя и Шура выходят.

САФОНОВ *(Ильину)*. Панин ушел, что ли?

ИЛЬИН. Нет, здесь.

САФОНОВ. Ты ему скажи, чтобы он потом зашел с этим, поговорим. Человек этот, Василенко, вроде человек хороший. Я, конечно, с радостью. Но все-таки пусть поговорит, чтоб порядок был. Что меня волнует, Ильин, это меня то волнует, что где Глоба. Дошел ли Глоба до наших войск или не дошел Глоба,—это меня больше всего волнует. Потому что помирать я готов, но помирать меня интересует со смыслом, а без смысла помирать меня не интересует. Ну, пошли. (*Выходит. В двери останавливается.*) Вернись, скажи Александру Васильевичу, чтобы с нами шел.

Ильин пересекает сцену, заходит в одну из комнат. Из комнаты Сафонова выходит Козловский. Шинель внакидку, в руках бумажка, приготовленная для закурки. Из двери выходит Ильин, проходит через комнату, вслед за ним неторопливо выходит Васин.

КОЗЛОВСКИЙ. Товарищ майор, разрешите обратиться?

ВАСИН. Да?

КОЗЛОВСКИЙ (*вглядываясь в него*). Только что из окружения. Закурить нет ли, товарищ майор?

Васин, достав баночку, аккуратно насыпает ему махорки.

КОЗЛОВСКИЙ (*испытующе глядя на него*). Товарищ майор, я вас где-то видал, по-моему.

ВАСИН (спокойно). А я вас нет. Простите, ваше звание?

КОЗЛОВСКИЙ. Василенко, младший политрук.

ВАСИН. А я вас нет, не видал, товарищ младший политрук. (Пауза.) Огонь у вас есть?

КОЗЛОВСКИЙ. Спасибо. Есть.

Васин прячет коробку и неторопливо выходит. Молчание. Один на сцене. После паузы, удивленно присвистнув: Дядя, а?

(Темнота.)

Конец второй картины

Картина третья

Обстановка второй картины. На сцене загорается свет. На сцене Шура. У нее опухшие, заплаканные глаза.

ПАНИН (входит). Почему глаза заплаканные?

ШУРА. Ничего. (Плача.) Если бы вы знали, как мне Ильина жалко! Так жалко. (Плачет.)

ПАНИН. Шура!

Шура плачет; не отвечая, уходит в другую комнату.

ВАЛЯ (входя). Здравствуйте, товарищ Панин.

ПАНИН. Здравствуйте, Валечка.

ВАЛЯ. Ох, дела! Сейчас ребятам патроны возила. Как начали строчить, мне мою машину поранили всю, прямо жалко. А меня — нет.

ПАНИН. Что, совсем машину?

ВАЛЯ. Нет, ходит. Я ей говорю: отправляйся на ремонт. А она говорит: разрешите, товарищ водитель, остаться в строю. Я говорю: ну, разрешаю. Так она и осталась. Храбрая у меня машина.

ПАНИН. С Ильиным утром вы ездили?

ВАЛЯ. Ага. И, главное, знаете, я ему говорю: «Дайте я вас еще подвезу, мы быстро проскочим». А он говорит: «Нет, тебе дальше нельзя, я пешком пойду». Ну, я пошумела, а потом осталась, — приказание! А если бы на машине, все в порядке было бы. Жалко мне его, товарищ Панин

ПАНИН. Что же делать, Валечка, без этого не бывает и, главное, быть не может.

ВАЛЯ. Я ничего, а вот Шура — видели, наверное!

ПАНИН. Видел.

ВАЛЯ (почти шопотом, доверительно). Вы знаете, они ведь уже сговорились обо всем с нею, — что там после войны будет, неизвестно. Они тридцать первого вечером, когда тихо, уже свадьбу решили сделать, а вот сегодня, тридцатое — и убили его. Вы представьте себе, товарищ Панин, как это грустно. Вот она и плачет все.

ПАНИН (внимательно глядя на нее). А ведь это все неправда, Валечка.

ВАЛЯ. Что неправда?

ПАНИН. Да вот все, что вы говорите: свадьба... Тридцать первого. Просто так красивее, вот вы и придумали. И грустнее тоже.

ВАЛЯ. А разве это хуже, если красивее?

ПАНИН. Нет, лучше.

ВАЛЯ. Его и так жалко, потому что он, правда, хороший был. А так вот, если... так совсем жалко, до слез. У него, может быть, жена где-нибудь... Она, может, только через полгода узнает, а нам над ним сейчас поплакать хочется.

ПАНИН (задумчиво). Да, жена через год узнает. Это вы хорошо придумали.

ВАЛЯ. Правда? Вы не смеетесь?

ПАНИН. Нет, не смеюсь. (Пауза.) Слушайте, Валечка, вы умеете пистолеты разбирать, а?

ВАЛЯ. Умею.

ПАНИН. Вы же шофер, вы все умеете. Сделайте мне одолжение, разберите его, а я его тряпочкой вытру. А то, вы знаете, что вчера случилось? Я ночью за слободой был. Там немножко побоялись напши. Ну, я же теперь начальник особого отдела. Я эту штуку в руки взял и пошел.

ВАЛЯ. Я слышала. Мне Иван Никитич говорил.

ПАНИН. Это он вам говорил, а самое главное, наверное, не сказал. Ко мне потом лейтенант подходит и говорит: «Вы, товарищ комиссар, кому-нибудь прикажите ваш пистолет почистить, а то у вас в дуле набилось — не выстрелит».

ВАЛЯ (смеясь, берет пистолет). А мне про вас что говорили!

ПАНИН. Что?

ВАЛЯ. А мне говорили, что вы раньше в кобуре вместо пистолета одеколон носили, и щетку, и зубной порошок. Это правда?

ПАНИН. Правда. Это очень удобно.

Входит Козловский.

КОЗЛОВСКИЙ. Вы меня вызывали?

ПАНИН *(тихо Вале)*. Вы его там, в уголке, почистите сами, а потом мы с вами поедem.

Валя уходит в угол, чистит пистолет.

ПАНИН. Да, вызывал.

КОЗЛОВСКИЙ. Позвольте узнать, зачем, а то ведь я с передовых приехал.

ПАНИН. Ничего. Я должен вам заметить, что в следующий раз, если вы произведете такой самовольный расстрел, я вас судить буду.

КОЗЛОВСКИЙ. Была такая обстановка, что один трус мог увлечь за собой всех, и мне пришлось...

ПАНИН. Ложь! У вас в роте не было такой обстановки. Вы не ребенок. Вы должны знать, когда нужно расстрелять на месте, а когда судить.

КОЗЛОВСКИЙ. Товарищ Панин, да все равно же... *(Тихо.)* Между нами говоря, конец... Где тут суды разводить! И я погибну и вы!

ПАНИН. Может быть, и вы погибнете и я, но это ни при чем. Пока здесь есть армии и есть закон. Ясно вам это?

КОЗЛОВСКИЙ. Ясно.

ПАНИН. И бросьте мне эти разговоры: ах, была — не была, все равно пропадать. Это не храбрость — это разложение.

КОЗЛОВСКИЙ. Да я сам готов двадцать раз под пули!

ПАНИН. Возможно, но мне до этого дела нет. Все! Идите!

Козловский выходит.

Ну, как, Валечка, собрали?

ВАЛЯ. Сейчас. Два, два — вот и все. Ой, ну скажите, товарищ Панин, ну где я раньше слышала его голос?

ПАНИН. Да чей голос?

ВАЛЯ. Василенко.

ПАНИН. Не знаю, Валечка, откуда ж мне знать. Поехали! Только, давайте уговоримся так: где приказал стоять, там и стойте. За мной не ездить.

ВАЛЯ. Есть за вами не ездить, товарищ комиссар!

ПАНИН. Ну, то-то. А то я человек штатский, приказывать не умею, так я уж заранее на вас накричать решил. Чтоб с самого начала боялись. *(Уходят.)*

Из соседней комнаты выходят Сафонов и Васин.

САФОНОВ. В третью роту? Ну, что же, иди. Только ты, Александр Васильевич, там не очень. Понятно?

ВАСИН. Нет непонятно. Я выполняю свой долг. А если... Что ж, другим потом легче вперед будет идти.

САФОНОВ. Не хочу я этого от тебя слышать. Не другие, а мы еще с тобой вперед пойдем. Сталин что сказал? Сказал, что еще пойдем мы вперед. Пойдем, и все тут! (Задумчиво.) Сталин... Я, Александр Васильевич, тому иногда не верю, другому иногда не верю, а ему всегда и везде верю. Я его речь по радио когда слушал, у меня контузия еще не прошла, слова в ушах мешались, но и вместо них все равно для себя его слова слышал: «Стой, Сафонов, и ни шагу назад! Умри, а стой! Дерись, а стой! Десять ран прими, а стой!» — Вот, что я слышал, вот, что он лично мне говорил.

ВАСИН. Фантазер вы, Иван Никитич.

САФОНОВ. Конечно, а как же? И ты тоже фантазер. Мы все, русские, фантазеры. От этого воюем смелей. Но смелость смелостью, а все-таки...

ВАСИН. Ничего. Меня, милый, в ту германскую войну шесть раз дырявили, а в эту еще ни разу. Так что у меня еще шесть раз впереди, а все жив буду.

САФОНОВ. Вот это верно. Ты, Александр Васильевич...

ТЕЛЕГРАФИСТ (из другой комнаты). Товарищ капитан, вторая рота на проводе.

САФОНОВ. Иду.

Сафонов выходит. Входит Козловский.

КОЗЛОВСКИЙ. Здравствуйте, товарищ майор.

ВАСИН. Здравствуйте, товарищ младший политрук.

КОЗЛОВСКИЙ. А где капитан?

ВАСИН. Сейчас придет. *(Пауза.)*

КОЗЛОВСКИЙ. Так где-то я вас все-таки видел, товарищ майор.

ВАСИН. Я уже вам говорил, что не помню, чтобы я вас видел.

КОЗЛОВСКИЙ. Но, может быть, вы меня не видели, а я вас видел?

ВАСИН. Может быть.

КОЗЛОВСКИЙ. Вы в Николаеве не жили?

ВАСИН. Жил с двадцать третьего по двадцать девятый год.

КОЗЛОВСКИЙ. Может быть, я вас там видел?

ВАСИН. Может быть, если вы там жили. Разрешите узнать, зачем явились?

КОЗЛОВСКИЙ. За боеприпасами. Но это ведь к капитану.

ВАСИН. Нет, можете и ко мне. Винтовочных?

КОЗЛОВСКИЙ. Да.

ВАСИН. Двести штук дам. *(Пишет.)* Получите у Семененко.

КОЗЛОВСКИЙ *(беря бумажку)*. А подпись капитана не нужна?

ВАСИН. Нет.

КОЗЛОВСКИЙ. Хотя ведь вы, в сущности, старший начальник.

ВАСИН *(сердито)*. Старший начальник? Капитан Сафонов — начальник гарнизона, а я — его

начальник штаба; и это вам должно быть известно.

КОЗЛОВСКИЙ. Конечно, но я так сказал, потому что меня удивляет несоответствие знаков различия...

ВАСИН (*вставая*). А меня удивляет несоответствие ваших знаков различия и ваших мыслей, товарищ младший политрук, и несоответствие количества высказанных вами слов и количества дел, которые вы делаете. И несоответствие этого разговора с той обстановкой, какая у нас есть.

КОЗЛОВСКИЙ (*присаживаясь*). Ну, что это вы, товарищ майор, я же не хотел, что вы подумали?..

ВАСИН. Встать, когда с вами разговаривает старший!

Козловский встает.

Можете идти. Вы свободны.

САФОНОВ (*входя*). Что тут за шум? О чем спор идет?

ВАСИН. Тут спора не может быть, товарищ капитан. Я сделал замечание младшему политруку, и все. Разрешите отправиться в третью роту?

САФОНОВ. Да, да, Александр Васильевич, иди.

Васин выходит.

Ты, что это со стариком вздоришь? Ты мне не смей.

КОЗЛОВСКИЙ. Да я, Иван Никитич, с ним по-простецки, по-нашему, а он, в общем... интеллигенция.

САФОНОВ. Что интеллигенция? Ты этого даже и слова не понимаешь. Что ты — некультурный, сукин сын, так этим гордишься? А, между прочим, если тебя, дурака, пять лет в университете обтесать, так ты тоже будешь интеллигенция, вот и вся разница. А если не обтесать, так не будешь. Старика обижать никому не позволю! Ишь ты: «по-простецки», «по нашему»... А он, что же, не наш, что ли? Ты еще под столом ползал, когда он за то, что немцев бил, три «георгия» имел, понятно?

КОЗЛОВСКИЙ. Понятно.

САФОНОВ. Зачем пришел?

КОЗЛОВСКИЙ. За патронами. Да мало дал он. Вот.

САФОНОВ. И смотреть не хочу. Раз мой начальник штаба тебе столько дал, — значит, столько мог. Ты мне тут это не заводи: сначала к одному, потом к другому. Иди.

Козловский выходит. За дверью шум, голос Глобы.

ГЛОБА. Да что ты меня не пускаешь? Вот, тоже!

Глоба в штатском платье.

За ним красноармеец с винтовкой.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Товарищ капитан, к вам. Разрешите пустить?

САФОНОВ. Ну, конечно, пускай, ведь это же Глоба!

ГЛОБА. Он самый.

Сафонов обнимает Глобу, затем, отойдя, щиплет его за руку.

САФОНОВ. Ой, Глоба, да ты ли это?

ГЛОБА. Я.

САФОНОВ. Живой?

ГЛОБА. Живой.

САФОНОВ. А, может, не ты? Может, дух твой?

ГЛОБА. Ну, какой же там дух! На пять пудов разве дух бывает?

САФОНОВ. Это верно. Убедил. Ну, садись. (Кричит.) Шура! Ты покушать дай. И воды там из бидончика стакан налей. Глоба пришел, ему порция причитается.

ШУРА (показываясь в дверях, смотрит на Глобу). Здравствуйте.

ГЛОБА. Здравствуй, Шура.

САФОНОВ. Ну, что же ты радуешься, — живой пришел!

ГЛОБА (махнув рукой). Они на меня не радуются. Они меня считают за нехорошего человека. Я им откровенностью своей не нравлюсь.

САФОНОВ. Это кому же им-то?

ГЛОБА. Вот Шуре хотя бы, и вообще всем им, женщинам, сословию ихнему всему.

САФОНОВ. Был?

ГЛОБА. Да.

САФОНОВ. Что же слышно?

ГЛОБА. Слышно то, что наши наступать собираются.

САФОНОВ. Да? Может, и нас отобьют, Глоба, а?

ГЛОБА. Может быть.

САФОНОВ (*закрыв руками глаза*). Эх, Глоба. Иногда так захочется, и чтобы я живой был, и чтобы другие некоторые, которые... тут кругом, в общем, чтобы они живы были. Да. Так, говоришь, наступать будут?

ГЛОБА. Возможно. Я у генерала был, генерал тебе привет передавал. Говорит: «Как же, знаю,— говорит, знаю такого — Сафонова»

САФОНОВ. Не мог он мне привет передавать. Нет у меня знакомых генералов.

ГЛОБА. А он говорит, знает тебя.

САФОНОВ. А как фамилия-то?

ГЛОБА. Назвался Лукониным.

САФОНОВ. Лукониным? Неужто уже генерал?

ГЛОБА. А по всей форме генерал.

САФОНОВ. Скажи, пожалуйста. Ну, Глоба, это порядок будет. Этот генерал дойдет до нас. У него характер такой — непременно дойдет.

ГЛОБА. Вот и мне тоже вроде как показалось.

САФОНОВ. Как ты им доложил?

ГЛОБА. Как приказано, чтобы выручали сказал, но что если против плана это идет, то мы выручки не просим, сказал. Ну, и что все-таки жить нам, конечно, хочется, — это тоже сказал.

САФОНОВ. И это сказал?

ГЛОБА. И это сказал. Да и они сами, в общем, представляют себе это чувство.

САФОНОВ. Что приказывают нам?

ГЛОБА. Конечно, пакет с сургучом я нести не мог. Поскольку я шел как бегущий от красных бывший кулак, то мне, конечно, пакет с сургучом был ни к чему при разговоре с немцами. Но устный приказ дан такой: держись, держись и держись! А что и как — это пришлю, говорит, делегата связи. На самолете.

САФОНОВ. А тебе больше ничего?

ГЛОБА. Ничего. Я думаю, Иван Никитич, как и что — это еще там, где выше, решают. Этот генерал, твой знакомый, нам с тобой мозги путать не хотел. Говорит: держись! А еще говорил он, что — передай Сафонову, чтоб Халхин-Гол вспомнил, как там дрались, тогда все будет в порядке.

САФОНОВ. Тяжело добираться?

ГЛОБА. Да ведь я такой человек, где как: где — храбростью, где — скромностью, где просто на честное слово. Меня и то генерал отпустить не хотел, говорит: «Сиди тут, Глоба». А я говорю: «Характер мне не позволяет. Там, — говорю, — ребята будут страдать, ожидая делегата вашего». Он говорит: «Я скоро пришлю». А я говорю: «Так он же на самолете, а я на своих на двоих, это быстрее». Что тут слышно, Иван Никитич?

САФОНОВ. Ну, что, как ты ушел, в ту ночь Крохалев от ран помер. Петров тоже. Сегодня

утром Ильина убили. Так что я теперь и за командира и за комиссара. В общем, много кого уже нету. Ну, ладно, это лишнее.

КРАСНОАРМЕЕЦ (опять открывает дверь). Товарищ капитан, к вам тут гражданский один.

САФОНОВ. Ну, давай. (Глобе.) Я же начальник гарнизона, у меня тут все дела. Давай гражданского.

Входит старик.

СТАРИК. У меня просьба к вам, товарищ командир.

САФОНОВ. Просьба? (Морщится.) Эх, мне просьбы эти...

СТАРИК. И не за себя только, а еще за двух человек.

САФОНОВ. Чего же вы от меня хотите? Нет у меня ничего, так что и просить у меня — это лишнее. Если вы насчет еды, то, сколько могу, даю. Всем поровну — как мне, так и вам.

СТАРИК. Нет, нам не то.

САФОНОВ. Если насчет воды, то опять же — вода, как мне, так и вам. Старый человек, уважаю тебя, но стакан на душу — это уж всем.

СТАРИК. Нам не воды.

САФОНОВ. А чего же вам?

СТАРИК. Нам бы трехлинеечки.

САФОНОВ. Это зачем же вам трехлинеечки?

СТАРИК. Известно, зачем.

САФОНОВ. Ты, значит, папаша, это за троих просишь? Это, значит, в твоих годах все? Приятели, что ли?

СТАРИК. *Привет.*

САФОНОВ (*Глобе*). Видал? (*Старику.*) А вы что, в армии были, что ли, папаша?

СТАРИК. Все были, кто в германскую, кто в японскую. Я вот в японскую был. Мне в ту германскую уже года вышли. Ну, а в эту вроде как опять обратно пришли. Ну, как же насчет трехлинейки?

САФОНОВ (*вставая и подходя к нему*). Ты понимаешь, папаша, что значит, если ты, чтобы человек плакал, сделать можешь? Я уж огонь, воды и медные трубы прошел. Я в шоферах-таксомоторщиках десять лет был. Ты знаешь, что это такое? Это дело такое — тут плакать нельзя. А ты меня в слезу вогнал. (*Вытирает глаза.*) Дам я тебе, папаша, трехлинейку. Только ты приходи вечером, когда у меня тут начальник штаба будет, тоже старичок, вроде тебя. Вы с ним сговоритесь, по-стариковски. Иди, пожалуйста, в восемь часов приходи.

Старик выходит.

Да, значит, такое дело. Неизвестно еще, что и как, куда наши ударят. Ну, что же, придется тогда, что надумали, сделать. (*Подходит к Глобе, закрывает дверь, тихо.*) А надумали мы с теми, кто на немецкой части города сидит, мостик у них через лиман в тылу рвануть. Не миновать мне завтра ночью Валю опять туда посылать.

ГЛОБА. Жалко?

САФОНОВ. Мне всех жалко.

ГЛОБА. Да... А я на это дело просто смотрю. Смерть перед глазами. Счастье жизни нужно человеку? Нужно. Ты его видишь? Ну, и возьми его. Пока жив. Она девушка добрая. Вот, глядишь, и вышло бы все хорошо.

САФОНОВ. Отстань. Боюсь я за нее, вот и все.

ГЛОБА. А за себя не боишься?

САФОНОВ. За себя? Конечно. Но только мы с тобой, Глоба, другое дело... Мы себе не можем позволить бояться. Потому что если я себе раз позволю, то и другие позволят. А потом я уже не позволю, а они опять позволят. Мы с тобой, значит, ни разу позволить бояться себе не можем. Разве что ночью, под одеялом. Но одеял у нас с тобой нет, так что это исключается.

Входит Валя.

САФОНОВ. Что, привезла Панина?

ВАЛЯ. Нет, он там остался.

САФОНОВ. Где, там?

ВАЛЯ. Там, в первой роте. Ух, устала. *(Снимает рукавицы, садится.)*

САФОНОВ *(Глобе)*. Ну, что ты будешь делать? Как назначил его начальником особого отдела, так он все показывает людям, что не боится. А это, между прочим, все и так знают.

ВАЛЯ. Да, я уж его удерживала, удерживала.

САФОНОВ. Уж молчи. Удерживала она! Я знаю, как ты удерживаешь. Сама лезет, не знаю куда, потом рассказывает — удерживала она!

ЛЕЙТЕНАНТ (в дверях). Товарищ капитан, к телефону.

Сафонов выходит.

ГЛОБА (Вале). Как живете, Валентина Николаевна?

ВАЛЯ. Как все, товарищ Глоба. Как все, так и я.

ГЛОБА. А как все живут?

ВАЛЯ. А кто как.

ГЛОБА. Эх, времена пошли. Женщины вдруг на фронте. Я бы лично вас берег, Валечка. И вас, и вообще. Пусть бы вы нам для радости жизни живыми всегда показывались.

ВАЛЯ. У нас, что же, другого дела нет, как вам показываться для вашей радости жизни?

ГЛОБА. А то как же? Для чего создается женщина? Женщина создается для украшения жизни. Война — дело серьезное. Во время ее жизнь надо украшать больше, чем когда-нибудь, потому что сегодня она — жизнь, а завтра она — пар, ничего. Так что напоследок ее, жизнь-то, даже очень приятно украсить.

ВАЛЯ. Так что же, по-вашему, жизнь — елка, что ли, игрушки на нее вешать?

ГЛОБА. А хотя бы и елка. Вполне возможно. Я не про тебя говорю, ты девушка серьезная, тебе даже со мной разговаривать скучно. Но женщина, все-таки, — это радость жизни.

ВАЛЯ. Не люблю вас за эти ваши слова.

ГЛОБА. А меня любить не обязательно.

САФОНОВ (входя). Что за шум?

ГЛОБА. У нас тут с Валентиной Николаевной снова несогласие насчет роли женщины в текущий момент. До свидания, Иван Никитич, я в госпиталь пойду. И, как всегда, в медицинской профессии будут меня ждать неожиданности. Семь дней меня не было, и кто, я ожидал, будет живой, — умер, а кто, я ожидал, умрет, — непременно живой. Вот увидишь. (Выходит.)

ВАЛЯ. Устали?

САФОНОВ. Ну да, устал. Мне же думать надо. Это же, Валька, Валечка, колокольчик ты мой степной. — это тебе не баранку крутить.

ВАЛЯ. Ну, вот, стали начальником, так уж — баранку крутить... смеетесь.

САФОНОВ. А как же? С высоты моего положения. (Усмехается.) Хотя и баранку надо с соображением крутить, конечно. Не то, что ты вчера.

ВАЛЯ. А что?

САФОНОВ. А то, что, когда я с тобой ехал, сцепление рвала так, у меня вся душа страдала.

ВАЛЯ. Я не рвала. Оно отрегулировано плохо. Я ехала правильно.

САФОНОВ. Неправильно. И на ухабах педаль не выжимала.

ВАЛЯ. Выжимала.

САФОНОВ. Нет, не выжимала. Ты мне очки не втирай. Ты не думай, что если я с тобой тихий, так мне можно очки втирать.

ВАЛЯ. Я ничего про вас не думаю. Я только говорю, что выжимала.

САФОНОВ. Ну, бог с тобой. Выжимала, выжимала... Только глаза мне такие не делай, а то я испугаюсь, убегу.

ВАЛЯ. Я вас как вожу, так и вожу. Я над машиной начальник, раз я за баранкой. Понятно?

САФОНОВ. Понятно.

ВАЛЯ. Поспали бы. Ведь уже трое суток не спите.

САФОНОВ. А ты откуда знаешь? Ты сама только вчера от немцев вернулась.

ВАЛЯ. Знаю. Спрашивала.

САФОНОВ. Спрашивала?

ВАЛЯ. Так, между прочим спрашивала.

САФОНОВ. Да... (Пауза.) Тебе сегодня ночью, или завтра в крайнем случае, опять к немцам идти придется.

ВАЛЯ. Хорошо.

САФОНОВ. Чего же хорошего? Ничего тут хорошего. Послать мне больше некого, а то бы ни в жизнь не послал бы тебя в третий раз.

ВАЛЯ. Это почему же?

САФОНОВ. Не послал бы, да и все тут. И вообще, ты лишних слов начальству не задавай. Понятно?

ВАЛЯ. Понятно.

САФОНОВ. Придется тебе (оглянувшись на дверь) идти к Василию и сказать, что мост рвать будем, и все подробности, чего и как. Но только

это запиской уже не годится. Это наизусть будешь зубрить, слово в слово.

ВАЛЯ. Хорошо.

САФОНОВ. Да уж хорошо, или не хорошо, а надо будет. Два раза ходила — в третий пойдешь, потому что родина этого требует. Видишь, какие я тебе слова говорю.

ВАЛЯ. А знаете, Иван Никитич, все говорят: родина, родина... и, наверное, что-то большое представляют, когда говорят. А я — нет. У нас в Ново-Николаевке изба на краю села стоит, и около речка и две березки. Я качели на них вешала. Мне про родину говорят, а я все эти две березки вспоминаю. Может, это нехорошо?

САФОНОВ. Нет, хорошо.

ВАЛЯ. А как вспомню березки, около, — вспомню, — мама стоит, и брат. А брата вспомню — вспомню, как он в позапрошлом году в Москву уехал учиться, как мы его провожали, — и станцию вспомню, а оттуда дорогу в Москву. И Москву вспомню. И все, все вспомню. А потом подумаю: откуда вспоминать начала? Опять с двух березок. Так, может быть, это не хорошо? А, Иван Никитич?

САФОНОВ. Нет, это хорошо. Это мы, наверно, все так вспоминаем, каждый по-своему. (Пауза.) Ты только, как там будешь, ты матери скажи, чтобы она с немцами не очень ершилась. Она нужная нам, помимо всяких там чувств. И потом — ты ей это тоже скажи. Я ее еще увидеть надежду имею.

ВАЛЯ. Хорошо, я скажу. (Пауза.)

САФОНОВ. Да, ну и сама тоже. Осторожней, в общем. Понятно?

ВАЛЯ. Понятно. (Пауза.)

САФОНОВ. Сказал бы я тебе еще кое-что, да не стоит. Потом, когда обратно придешь.

ВАЛЯ. А если не приду?

САФОНОВ. А если не придешь, значит, все равно, не к чему говорить. (Накрывшись шпателью, укладывается на диване. Лежит, открыв глаза.)

ВАЛЯ. Ну, и засните. Хорошо будет.

САФОНОВ. Совсем спать отвык. Не могу спать.

ВАЛЯ. А вы попробуйте. Я вам песню спою.

САФОНОВ. Какую?

ВАЛЯ. Какую детям поют — колыбельную... (Запевает: «Спи, младенец мой прекрасный...») Вы бы уже побрились, что ли. А то какой же это ребенок, с бородой.

САФОНОВ. Хорошо, вот ты вернешься, я побреюсь.

ВАЛЯ. А если не вернусь, так и бриться не будете? (Молчание.) Придется уж вернуться, раз так.

САФОНОВ. Не могу спать.

ВАЛЯ. И песня не помогает?

САФОНОВ. Не помогает. (Пауза. Сафонов закрывает глаза и мгновенно засыпает.)

ВАЛЯ (не замечая этого). Знаете, Иван Некитич, а я вот не боюсь идти. В первый раз боялась, а теперь нет. Мне кажется, что приду

обратно, чтобы вы побрились. А вы будете ждать. И все будут. Что же вы молчите?

Замечает, что Сафонов спит.

Вот и заснул. А говорил, спать не могу. (Тянется к нему. Ей, видимо, очень хочется разбудить его. Преодолевая это желание и уже не глядя на него, прислонившись к столу, тихо допевает: «Провождать тебя он выйдет, ты махнешь платком...»)

Молчание.

Конец третьей картины и
первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

У Харитонов. Старый добротный дом частного практикующего провинциального врача. Большая столовая, очевидно, служащая общей комнатой. Несколько дверей. Два стеновых шкафчика — один с посудой, другой белый, аптечного вида. На сцене за чайным столом Розенберг и Вернер.

Вернер, прихлебывая из рюмки вино, зубрит что-то вполголоса.

РОЗЕНБЕРГ (открыв дорожный, на «молнии», чемоданчик, раскладывает перед собой разные сувениры: фотографии, документы). Что, Вернер, все практикуетесь в русском языке?

ВЕРНЕР. Да, практикуюсь.

РОЗЕНБЕРГ. Это хорошо. Нам тут долго придется быть.

ВЕРНЕР. По-вашему, война...

РОЗЕНБЕРГ. Война — нет, недолго, а вот после войны. Завоеватель может презирать народ, им покоренный, но он должен знать его язык, если бы даже ему пришлось лаять по-собачьи. В чужой стране никому нельзя верить, Вернер.

ВЕРНЕР. Но вы же верите Харитонову?

РОЗЕНБЕРГ. Да, потому что он мерзавец. И если русские придут, они его повесят; то есть нет, расстреляют. Они не вешают. Но его жене я уже не верю. Могут притти и не расстрелять. И уже по одному этому я ей не верю. (*Продолжает разбирать карточки.*) Сегодня Краузе подарил мне еще целый чемодан всего этого. Не смотрите так. Да, да, я люблю рыться в этом.

ВЕРНЕР. У вас привычки старьевщика.

РОЗЕНБЕРГ. Ничего. По этим бумажкам и фотографиям я изучаю нравы. Иногда при этом обнаруживаются любопытные вещи. Вот, например, удостоверение личности младшего лейтенанта Харитонova Н. С., Н. С. — замечаете? Оно разорвано пулей. Очевидно, его владелец убит. Но меня интересует не это. Меня интересуют инициалы Н. С., потому что нашего хозяина дома зовут С. А. Трудно предположить, но вдруг предположим, что это его сын. А у него сын в армии, это мне известно. Что мы можем из этого извлечь? Очень многое. Во-первых, если

даже это просто совпадение, то на нем можно построить интересный психологический этюд: узнавание, неузнавание, ошибка, горе матери, и так далее. Все это входит в мою систему изучения нравов. Да, с чего же я начал?

ВЕРНЕР. Вы начали с жены Харитоновы.

ХАРИТОНОВ (открывая дверь). Вы меня звали?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, но раз вы уже вошли, — откуда у вас жена, доктор?

ХАРИТОНОВ. Из Вологды.

РОЗЕНБЕРГ. Вот видите, Вернер, она из Вологды, а мы еще не взяли Вологду. (Харитонову.) У нее есть родные?

ХАРИТОНОВ (растерянно). Есть немножко, есть.

РОЗЕНБЕРГ. Что значит — немножко?

ХАРИТОНОВ. Сестры.

РОЗЕНБЕРГ. Сестры, — это значит, по-вашему, немножко? Но у сестер ведь есть мужья? И, быть может, они, не в пример вам, русские люди, а?

ХАРИТОНОВ. Я не понимаю вас, господин капитан.

РОЗЕНБЕРГ. Вы меня прекрасно понимаете. Скажите вашей жене, чтобы она принесла нам чаю в самоваре.

(Харитонов уходит.)

Вот видите, Вернер, у ее сестер есть мужья. Может быть, один из них инженер, другой майор, это уж я не знаю. И, может быть, этот майор

завтра окажется здесь. А она — сестра его жены, и она скорее позволит ему убить нас, чем нам — его. Это ведь, в сущности, очень просто.

Входит Мария Николаевна с чайной посудой.

Скажите, Мария Николаевна, у ваших сестер есть мужья?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Да, господин капитан. РОЗЕНБЕРГ. Они русские?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Да. Вы будете пить молоко?

РОЗЕНБЕРГ. Нет. Вы не завидуете им, что у них русские мужья, а у вас неизвестно какой национальности?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. У меня тоже русский.

РОЗЕНБЕРГ. Я не об этом говорю. Не притворяйтесь, что вы меня не понимаете.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Может быть, нести вам самовар?

РОЗЕНБЕРГ (*вставая*). Несите. Мы сейчас придем.

Мария Николаевна уходит.

(*Вернеру.*) И после этого вы думаете, что я могу ей верить?

Выходит в свою комнату. Входит Мария Николаевна. За ней Харитонов. На улице несколько выстрелов. Мария Николаевна крестится.

ХАРИТОНОВ. Ну, что ты крестишься?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. За них.

ХАРИТОНОВ. За кого — за них?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. За наших.

ХАРИТОНОВ. Когда ты научишься держать язык за зубами?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Тридцать лет учусь.

ХАРИТОНОВ. Опять?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Да.

ХАРИТОНОВ (тихо). Маша, поди сюда. Ты была у Сафоновой?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Была.

ХАРИТОНОВ. Говорила все, что я велел?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Говорила. (Пауза.)

Противно мне это.

ХАРИТОНОВ. Противно? А если я буду убит, тебе не будет противно?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. При чем тут ты?

ХАРИТОНОВ. Очень просто. Ты завтра же пойдешь к ней опять и упомянешь, между прочим упомянешь, что я страдаю. Понимаешь? Страдаю... Что мне надоели немцы, что я их не люблю и боюсь, что я предпочел бы от них избавиться, что я был не рад, когда меня назначили городским головой. Поняла?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Поняла. Только зачем тебе все это?

ХАРИТОНОВ. Затем, что это правда. Затем, что я предпочел бы сидеть весь этот месяц в подвале и не трястись за свою шкуру. Я больше чем уверен, что к этой старухе ходят... Да, да, партизаны. Немцам она все равно не скажет, что я их не люблю, а им, этим, может быть и скажет.

В Херсоне уже убили городского голову. Я не хочу, чтобы они его убили здесь, потому что здесь «он» — это я.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Боже мой. Чем весь этот ужас, бросили бы все вещи и ушли, как я говорила, куда-нибудь в деревню, спрятались бы.

ХАРИТОНОВ (*шипящим, злым голосом*). Куда спрятались бы? А вещи? Мои вещи без меня всегда вещи, а я без моих вещей — дерьмо. Да, да, дерьмо, нуль. Понятно тебе, дура?

Кто-то стучится в сени.

Пойди открой.

Мария Николаевна выходит и сейчас же возвращается обратно. Вслед за ней Марфа Петровна — вне себя, простоволосая, со сбитым набок платком.

МАРФА ПЕТРОВНА. Изверги!

ХАРИТОНОВ. Тихе.

МАРФА ПЕТРОВНА. Убили, на моих глазах убили!

ХАРИТОНОВ. Кого убили?

МАРФА ПЕТРОВНА. Таню, Таню, соседку. Я думала — чорт с тобой; но ты же доктор. Родить она собралась. Так повела к тебе. Нашла к кому! Лежит она там, у тебя под окнами.

ХАРИТОНОВ. Тихе! При чем тут я?

МАРФА ПЕТРОВНА. При всем. Ты подписывал, чтобы после пяти часов не ходили, чтобы стрелять?

ХАРИТОНОВ. Не я — комендант.

МАРФА ПЕТРОВНА. Ты, ты проклятый!

На ее крик из соседней комнаты выходит и останавливается в дверях Розенберг.

РОЗЕНБЕРГ. Кто тут кричит?

МАРФА ПЕТРОВНА. Я кричу! За что женщину посреди улицы убили?

РОЗЕНБЕРГ. Кто эта женщина?

ХАРИТОНОВ. Это тут одна... Они шли ко мне. Там родила соседка у них... И вот, патруль выстрелил.

РОЗЕНБЕРГ. Да, и правильно сделал. После пяти часов хождение запрещено. Разве нет?

ХАРИТОНОВ. Да, конечно, совершенно верно.

РОЗЕНБЕРГ. Если кого-нибудь застрелили после пяти часов — женщина это или не женщина, безразлично — это правильно. А вас, за то, что вы ходили после пяти часов, придется арестовать и судить.

МАРФА ПЕТРОВНА. Суди. Убей, как ее... *(Наступает на него.)* Так бы взяла за горло сейчас вот этими руками...

РОЗЕНБЕРГ *(поворачиваясь к двери в соседнюю комнату).* Вернер! Позвоните дежурному! *(Спокойно.)* Кажется, придется вас повесить.

МАРФА ПЕТРОВНА. Вешай!

РОЗЕНБЕРГ *(Харитонову).* Как ее фамилия?

ХАРИТОНОВ. Сафонова.

РОЗЕНБЕРГ. У нее, наверное, есть кто-нибудь в армии? Муж, сыновья?

ХАРИТОНОВ. Э-э. Нет. То есть, может быть, есть... я не знаю.

МАРФА ПЕТРОВНА. Есть. И муж есть, и сыновья есть. Все в армии.

РОЗЕНБЕРГ. Придется повесить!

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА *(вдруг бросаясь к Марфе Петровне, обнимая ее и став рядом с нею)*. И у меня тоже сын в армии. И меня вешайте! Я вас ненавижу. Ненавижу!

ХАРИТОНОВ. Маша, ты...

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. И тебя ненавижу! Всех вас ненавижу, мучителей! А вот мы — подружки, и сыновья у нас у обеих в армии. Да... *(Рыдает.)*

РОЗЕНБЕРГ. Возьмите... *(Секунда колебания.)* Вот эту. *(На Марфу Петровну.)* А эту оставьте.

ХАРИТОНОВ. Спасибо, господин капитан. Она не будет больше...

МАРФА ПЕТРОВНА. Благодарю, благодарю, Иуда, в ножки поклонись. *(Солдаты хватают ее за руки. Харитонову.)* Плюнула бы этому немцу в морду, да лучше тебе плюну! *(Плует в лицо ему.)*

Солдаты выволакивают Марфу Петровну. Мария Николаевна, обессиленная, плачет.

ХАРИТОНОВ. Господин капитан! Вы не обращайтесь внимания. Она это так... Нервная женщина. Они, правда, подружки были.

РОЗЕНБЕРГ. Ничего, доктор, я прощаю вашу жену, помня о ваших заслугах. *(Говорит отчет-*

ливо, глядя на Марию Николаевну.) Я же не могу забыть ваших заслуг. Ведь вы же, как-никак, составили мне список на семнадцать коммунистов и вчера еще на пять. Вы же мне указали местонахождение начальника милиции Гаврилова. Вы же меня предупредили, где спрятан денежный ящик вашего банка. Вы же... Впрочем, я не буду перечислять этот перечень, кажется, расстраивает вашу жену. Она плачет, вместо того чтобы радоваться, что вы нам так помогли. Ну, ничего, успокойте ее. (Уходит в соседнюю комнату.)

Молчание.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА (тихо). Это все правда?

ХАРИТОНОВ. Правда. Да, да, правда! Ты говори спасибо, что ты жива после того, что ты наделала!

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Я не хочу быть живой, мне все равно. Если бы не Коля, я хотела бы только умереть.

РОЗЕНБЕРГ (входя вместе с Вернером). Мария Николаевна, не забудьте про чай.

Мария Николаевна выходит.

РОЗЕНБЕРГ (Вернеру тихо). Сейчас мы произведем интересный психологический этюд. Еще немножко изучения нравов, того самого, которое вы так не любите... Доктор!

ХАРИТОНОВ. Слушаю.

РОЗЕНБЕРГ. Я надеюсь, что вы ведь нам искренно преданы, доктор?

ХАРИТОНОВ. Искренно, господин капитан.

РОЗЕНБЕРГ. И все, кто борется против нас, — это ведь и ваши враги, доктор? Так, или не так?

ХАРИТОНОВ. Так, господин капитан.

РОЗЕНБЕРГ. Как так? Точнее.

ХАРИТОНОВ. Враги, господин капитан.

РОЗЕНБЕРГ. И когда они погибают, вы должны этому радоваться, доктор?

ХАРИТОНОВ. Да, должен, господин капитан.

РОЗЕНБЕРГ. Нет, точнее. Не «должен» — а «рад». Так ведь?

ХАРИТОНОВ. Рад, господин капитан.

РОЗЕНБЕРГ. Я надеюсь, что ваша жена сказала неправду и ваш сын, конечно, не борется против нас?

ХАРИТОНОВ. Нет, господин капитан, к сожалению, это правда, он в армии. Я с ним давно уже в ссоре, но он в армии.

РОЗЕНБЕРГ. К вашему большому сожалению?

ХАРИТОНОВ. Да, господин капитан, к сожалению.

РОЗЕНБЕРГ. И если бы его уже не было в армии, то ваши сожаления кончились бы?

ХАРИТОНОВ. Конечно, господин капитан.

РОЗЕНБЕРГ. Подойдите сюда поближе. (Закрывая удостоверение одной рукой, оставляя только карточку.) Это лицо вам знакомо?

ХАРИТОНОВ. Николай!

РОЗЕНБЕРГ. Я вижу, знакомо. (Открывая все удостоверение.) Здесь, на этой дырке, доктор, ваши сожаления кончились. Вы можете быть до-

вольны. Ваш сын уже не в армии. Правда, я лично не видел, но я в этом уверен. Можете уже не сожалеть.

Харитонов молчит.

Ну, как, вы рады этому, доктор?

ВЕРНЕР. Розенберг!

РОЗЕНБЕРГ (*поворачиваясь к нему, холодно*). Да? Одну минуту терпения. Значит, вы рады этому, господин доктор? (*Резко.*) Да или нет?

ХАРИТОНОВ (*сдавленным голосом*). Да, рад.

РОЗЕНБЕРГ (*Вернеру*). Ну, вот видите, Вернер, доктор рад. И мы с вами сомневались в нем совершенно напрасно. Вы можете идти, доктор. Мне все ясно. Спасибо за откровенность. Вы истинно преданный человек. Это очень редко в вашей стране и тем более приятно.

Харитонов выходит.

ВЕРНЕР. Слушайте, зачем вся эта комедия? Если нужно расстрелять — расстреляйте, или скажите мне, если вы сами неврастеник и не умеете. Но то, что вы делаете, — это не солдатская работа.

РОЗЕНБЕРГ. У вас устарелые взгляды, Вернер. Изучение нравов входит в ваши обязанности.

ВЕРНЕР. Слушайте. Вы мне осточертели с вашим изучением нравов. Я, кажется, завтра же попрошусь в полк, чтобы больше не видеть вас с вашим изучением нравов. Я буду убивать этих русских, будь они прокляты, но без ваших

идиотских предварительных разговоров, которые мне надоели.

РОЗЕНБЕРГ. Вы не будете пить чай?

ВЕРНЕР (выходя). Нет.

Харитонов входит и бессильно прислоняется к притолоке. Входит Мария Николаевна с самоваром.

ХАРИТОНОВ (тихо). Маша! Послушай, Маша!

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Что тебе?

ХАРИТОНОВ. Я хочу тебе сказать...

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Что еще ты хочешь мне сказать?

ХАРИТОНОВ. Я хочу тебе сказать... Нет, не могу. (Уходит.)

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Сейчас я принесу заварку.

РОЗЕНБЕРГ (искоса смотрит на нее, держа в руке удостоверение). У вас, оказывается, был сын в армии?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Почему был? Он в армии и есть.

РОЗЕНБЕРГ. Нет, был, или, как говорит ваш муж, — к сожалению, был. Но теперь, как говорит опять-таки ваш муж, его, к счастью, нет. Но знаете, ваш муж рад, что его нет.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Что вы говорите? Что вы говорите?

РОЗЕНБЕРГ. Нет... вы не думайте только, что это имеет какое-то прямое отношение ко мне. Я не был бы так жесток с матерью. Но ко мне

случайно попало вот это. Поэтому я и говорю: «был».

Мария Николаевна сжимает в руках удостоверение, тупо смотрит на него и так, не выпуская, садится за стол. Сидит молча, оглушенная.

РОЗЕНБЕРГ (после паузы). Я бы не рискнул вам сказать, но я подумал, что вы разделяете взгляды вашего мужа, а ваш муж сказал, что он рад этому, несмотря на свои родительские чувства.

Мария Николаевна молчит.

Что же вы молчите? Да, да, он так и сказал. Доктор.

Входит Харитонов.

Доктор, ведь вы сказали, что вы рады, а?

Мария Николаевна поднимает голову, смотрит на Харитонova. Харитонов молчит.

Или вы мне сказали неправду? Вы не рады?

Харитонов молчит.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА (молча кладет удостоверение и говорит механически). Сейчас я вам заварю чай.

РОЗЕНБЕРГ. Спасибо, прекрасно.

Мария Николаевна, за спиной Розенберга и Харитонova, подходит с чайником к одному шкафу, потом к аптечному. Порывшись там, возвращается к столу.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Вот чай.

РОЗЕНБЕРГ. Прошу вас, налейте. Знаете, солдатам всегда приятно, когда женская рука наливает им чай или кофе. Верно, ведь, а, доктор?

Харитонов молчит.

Что же вы молчите? Потеряли дар речи?

Мария Николаевна наливает Розенбергу чай.

Ну, доктор, может быть, вы выпьете чаю со мной, а? Вы взволнованы. Ничего. Выпейте. Вы же наш преданный друг. Я рад с вами сидеть за одним столом.

ХАРИТОНОВ. Спасибо.

РОЗЕНБЕРГ. Мария Николаевна, налейте чаю вашему мужу.

Пауза. Мария Николаевна смотрит на Харитонova, потом тем же механическим движением молча наливает ему чай.

РОЗЕНБЕРГ. Ну, доктор.

ХАРИТОНОВ. Я прошу простить, господин капитан, мне дурно... я не могу...

РОЗЕНБЕРГ. Ну, как угодно, как угодно.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА (спокойно). Вам больше ничего не нужно, господин капитан?

РОЗЕНБЕРГ. Нет, спасибо. Вернер, я иду к вам! (Взяв чашку, выходит.)

Харитонов сидит на диване, опустив голову на руки. Мария Николаевна стоит у стены. Молчание.

ХАРИТОНОВ. Маша!

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Что?

ХАРИТОНОВ. Маша, я не могу так.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Оставь меня. Я не хочу тебя слушать.

ХАРИТОНОВ. Бросим все, уедем, убежим. Я боюсь их всех. Я ничего не хочу.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Поздно. Я же тебе говорила. А теперь поздно. Ты даже не знаешь, как поздно.

Раздается грохот отодвинутого стула в соседней комнате. Дверь открывается. Вбегает Розенберг и останавливается.

РОЗЕНБЕРГ. Что вы там намешали?! Что вы там намешали, вы, вы! *(Падает лицом вперед на пол. Корчится.)*

Мария Николаевна стоит неподвижно.

ХАРИТОНОВ *(суетясь)*. Что с вами? Что с вами? *(Подбегает к Розенбергу, пытается поднять его с пола, поворачивается.)*

Мария Николаевна безучастно, молча стоит у стены.

ВЕРНЕР *(четким шагом подходит к Розенбергу, нагнувшись, берет его за руку, поднимает)*. Кто это сделал?

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Мы. Мы его отравили, я и муж.

ХАРИТОНОВ *(с колен)*. Нет, господин капитан, она говорит неправду. Это ничего... Это не мы.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Мы, мы. Встань. (Подходит к Харитонову, поднимает его подмышки.) Встань, Саша, встань. (Быстро.) Это мы с ним. Мы вас ненавидим. Мы это сделали, мы оба — я и он.

ХАРИТОНОВ. Господин Вернер! Господин Вернер!

ВЕРНЕР. Вы думаете, что я вас буду отдавать под суд?

ХАРИТОНОВ. Господин Вернер, это не я, она все...

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА. Да, мы это сделали. Вы убили нашего сына. Мы отравили этого вашего негодяя.

ВЕРНЕР. Я вас не отдам под суд. Я вас просто повешу обоих через две минуты. (Открывает наружную дверь.) Эй, кто-нибудь!

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА (прижав к себе совершенно обезумевшего от ужаса Харитонова, кричит, прислонясь к стене.) Ну и вешай! Вешай!

Занавес

Конец четвертой картины

Картина пятая

Ночь. Берег лимана. Деревья. Спуск к воде. Задняя стена какого-то строения. Через сцену медленно идут Валя и Сафонов. У Сафонова правая рука на перевязи.

ВАЛЯ. А я прошлый раз как раз тут и переплывала.

САФОНОВ. Вот как раз потому, что прошлый раз тут, — сегодня в другом месте проплывешь. (Смотрит на часы.) Сейчас поедем.

ВАЛЯ. Светятся. Хорошие.

САФОНОВ. В Улан-Баторе купил, еще давно.

БАЛЯ. Где это?

САФОНОВ. Улан-Батор? Это город такой, в Монголии. Далеко... Сейчас меня на Южную балку отвезешь, провожу тебя там и... Запальники и шнур не забыла?

ВАЛЯ. В машине лежат. Что, поедем?

САФОНОВ. Сейчас...

ВАСИН (выходя из-за дома, вглядываясь). Товарищ капитан!

САФОНОВ. Я.

ВАСИН. Сейчас посидите?

САФОНОВ. Да, а что?

ВАСИН. Я с вашего разрешения, останусь тут, в роте, до утра. Телефон все еще не починили, я сам здесь подежурю.

САФОНОВ. Только к рассвету в штабе будь, ладно?

ВАСИН. Так точно. (Уходит.)

САФОНОВ. Сейчас поедем... Да, вот тебе и последнее испытание, Валентина Николаевна... Ты у меня теперь старая разведчица. Я теперь тебя по имени-отчеству принужден звать.

ВАЛЯ. А «вы» — не надо.

САФОНОВ. Нет, теперь я уже принужден, ничего не поделаешь.

Опять слышна капонада.

Совсем наши близко к лиману подошли. Наступают. Ты представь себе: наступают наши!.. А то уж больно обидно помирать было, тем более, что лично я в загробную жизнь не верю. Теперь и сказать можно. Я только вчера, когда эту канонаду в первый раз услышал, в первый раз поверил, что живы будем. И поскольку у меня надежда быть в живых появилась, прошу тебя, Валентина Николаевна, делай, что надо, а так зря не прыгай. Я тебя очень хочу живой видеть.

ВАЛЯ. Я тоже. *(Вдруг мечтательно.)* Сафоныч, а Сафоныч?

САФОНОВ. Что?

ВАЛЯ. Ничего.

САФОНОВ. Ну, а все-таки.

ВАЛЯ. Я когда у твоей матери была, твою фотографию увидела и спрашивала про тебя разное. Она говорит: «Вот он маленький какой был». А мне интересно, какой ты был маленький! А она вдруг меня спрашивает: «А чего ты, девушка, так интересуешься?» Я говорю: «Ничего, просто так». А сча говорит: «А я думала, любовь у вас». Я говорю: «Нет, я просто так».

САФОНОВ. Валя. *(Хочет обнять ее здоровой рукой.)*

ВАЛЯ. Не надо, Сафоныч, не перебивай, я тебе рассказать хочу. *(Пауза.)* Я ей говорю: «Он меня все невестой в шутку зовет». А вернулась оттуда — ты меня сразу и звать так перестал. Почему? Это ведь в шутку...

САФОНОВ. Потому и перестал, что в шутку...
А когда вернулась... *(Снова пытается ее обнять.)*

ВАЛЯ. Не надо. Это тебя Глоба научил, да?

САФОНОВ. При чем тут Глоба?

ВАЛЯ. Я знаю. Он всем это говорит: «Живем только раз. Она девушка добрая... а что завтра — неизвестно, может, умрем». А я не хочу только оттого, что, может, завтра умрем. Я хочу...

САФОНОВ *(отпустив ее, только продолжая держать за руку, ласково)*. Ну, что ты хочешь, колокольчик ты мой степной? Чего ты хочешь? Что сделать мне для тебя?

ВАЛЯ. Прощоди меня, Сафоныч. И что-нибудь хорошее на прощанье скажи. А то я что-то боюсь сегодня. Нет, ты не думай, я немножко... Это ничего?

САФОНОВ. Ничего. *(Пауза.)* Ты с собой револьвер взяла, в случае, если что?

ВАЛЯ. Нет. Я наган оставила, он тяжелый.

САФОНОВ *(морщась, достает здоровой рукой маленький браунинг)*. Вот мой, возьми.

ВАЛЯ *(берет, смотрит на браунинг)*. Это хорошо. Если что-нибудь, если немцы, — лучше тогда живой не быть. Верно?

САФОНОВ. Верно. И лучше мне тогда тоже живому не быть. Вот я что тебе сейчас скажу. А остальное после. После, когда наши придут, когда поверишь, что не потому, что завтра умереть можем. *(Пауза.)* Ну, пойдем. *(Идут к дому.)* Ты куда его положила?

ВАЛЯ. В карман.

САФОНОВ. А ты лучше за пазуху, на грудь. Верней. (Уходят.)

Некоторое время на сцене пусто. Потом снизу, из-за края обрыва, ведущего к воде, появляется голова. Тихий свист. Ответный свист. Входит Козловский.

КОЗЛОВСКИЙ. Вы здесь?

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Здесь.

КОЗЛОВСКИЙ. Чорт бы их взял. Нашли место для прогулок.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Вы хоть слышали, о чем они говорили?

КОЗЛОВСКИЙ. Нет. А мне это не нужно. Я знаю и так. Передайте господину Розенбергу...

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Он убит.

КОЗЛОВСКИЙ. Убит! Кто же вас послал?

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Капитан Вернер.

КОЗЛОВСКИЙ. Передайте господину капитану: во-первых, в городе затевается какой-то взрыв или что-то в этом роде, что — я пока не знаю, но затевается; во-вторых, примерно через час у Южной балки будет переправляться вот эта, которую вы здесь видели. Фамилия — Анощенко, зовут — Валентина.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Это связано со взрывом?

КОЗЛОВСКИЙ. Очевидно, да.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. У нее будут документы?

КОЗЛОВСКИЙ. Очевидно, нет. Но, если как следует взяться...

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Конечно. Но это будет точно, сегодня?

КОЗЛОВСКИЙ. Да, через час.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Тогда я спешу.

КОЗЛОВСКИЙ. Да, конечно. Передайте господину капитану: то, что я задумал с дядей...

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Что?

КОЗЛОВСКИЙ. Передайте господину капитану: то, что я задумал с дядей — он знает, — пока не выходит. И начальник гарнизона и он пока держатся друг за друга. Попробую еще.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Все?

КОЗЛОВСКИЙ. Все. Да, я все хотел спросить: из-за лимана слышна близкая канонада...

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Русские начали наступать и подошли ближе. Ну, все? Я спешу.

КОЗЛОВСКИЙ. Все.

Неизвестный исчезает. Долгое молчание. Слышны тихие всплески воды. Откуда-то сверху раздается близкий выстрел, потом второй. На сцену, не замечая Козловского, входит Вася с красноармейцем. У Васина в руках карабин.

ВАСИН. Плохо следите. Когда сменитесь, будем судить! Здесь кто-то подплавал к берегу.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Так вы же стреляли, товарищ майор. Ничего же не видно.

ВАСИН. Не видно, потому что поздно заметили. Вызовите мне караульного начальника!

Быстро! Я буду ждать здесь. (Всматриваясь в темноту.)

Козловский пытается незаметно пройти.

Стой! (Вскидывает карабин.)

КОЗЛОВСКИЙ (видя, что ему не уйти). Это свои.

ВАСИН. Кто свои?

КОЗЛОВСКИЙ. Я, товарищ майор, — Василенко.

ВАСИН (подходя к нему вплотную и продолжая держать карабин наизготовку). Что вы здесь делаете?

КОЗЛОВСКИЙ. Товарищ майор... Да опустите карабин, это же я. Я вам сейчас объясню...

ВАСИН (не обращая внимания, продолжает держать карабин). Что вы здесь делаете?

КОЗЛОВСКИЙ. Да вот, пошел проверять посты, — как и вы, очевидно.

ВАСИН. Это не ваша рота. Что вы здесь делаете?

КОЗЛОВСКИЙ. Я же говорю, товарищ майор. Проверяю посты. Ну, что ж, что не моя рота. Мы, политработники, обязаны всюду иметь глаз.

ВАСИН. Политработа тут ни при чем. Это не ваша рота. Извольте ответить, что вы здесь делаете, я вас в последний раз спрашиваю.

КОЗЛОВСКИЙ (вдруг решившись). Александр Васильевич! (Пауза.) Дядя Саша!

ВАСИН. Бросьте глупые шутки. Племянник!

КОЗЛОВСКИЙ. Да, племянник.

ВАСИН. У меня нет племянника Василенко.

КОЗЛОВСКИЙ. Да, но у вас есть племянник Николай Козловский, Коля.

ВАСИН. Так.

КОЗЛОВСКИЙ. Александр Васильевич, я вам сейчас все объясню.

ВАСИН. Так. Я слушаю.

КОЗЛОВСКИЙ (с надеждой). И вы меня поймете, вы поймете. Я вам только добра желаю. Вы слышите?

ВАСИН. Я уже сказал вам, что слушаю.

КОЗЛОВСКИЙ. Вы меня плохо помните?

ВАСИН. Да. Плохо.

КОЗЛОВСКИЙ. Но вы вспомните Николаев, вспомните, как вы бывали у мамы на Трехсвятской улице. Мне тогда было пятнадцать.

ВАСИН. Вы что, действительно мой племянник?

КОЗЛОВСКИЙ (торопливо). Действительно. Действительно. Я с вами поэтому и говорю сейчас так. Я же мог бы ничего не сказать.

ВАСИН. Что вы здесь делали?

КОЗЛОВСКИЙ. Я... я буду говорить с вами начистоту. Вы должны понять меня, как бывший офицер, как дядя, как брат моей матери, как свек.

ВАСИН. Ну? Я вас слушаю.

КОЗЛОВСКИЙ. Я хочу вас спасти. Завтра же немцы предпримут последнюю атаку города. Мы все погибнем. И вы погибнете, если...

ВАСИН. Если что, разрешите узнать?

КОЗЛОВСКИЙ. Если я не спасу вас и себя. Зачем вам погибать? Вы же с ними ни душой, ни телом. Зачем?

ВАСИН. Вы за тем и явились сюда под чужой фамилией, чтобы меня спасти?

КОЗЛОВСКИЙ. Нет, не буду лгать. Не только за этим. Но и за этим. Да, за этим. Мы не должны забывать своей родни и крови. Я не забываю. Я знал, что вы здесь.

ВАСИН. Что же вы мне предлагаете?

КОЗЛОВСКИЙ. Спастись.

ВАСИН. Позвольте спросить, как?

КОЗЛОВСКИЙ. К утру переплыть туда, там будет все готово. Вместе — вы и я. Вас хорошо встретят, я вам ручаюсь. Они поймут, что вы только по необходимости... Я уже говорил там о вас.

ВАСИН. Говорили?

КОЗЛОВСКИЙ. Да, говорил. Я говорил, что у меня здесь дядя, что он нам не враг и что его нужно спасти.

ВАСИН. Так. А сюда вы пришли зачем?

КОЗЛОВСКИЙ. Оттуда переплывал человек. Я с ним говорил... Я хотел переправиться туда с вами под утро и договорился об этом. Я все равно хотел отсюда идти к вам, так что даже лучше, что мы встретились здесь.

ВАСИН. Весьма возможно.

КОЗЛОВСКИЙ. Вы согласны?

ВАСИН. Мне надо подумать.

КОЗЛОВСКИЙ. Соглашайтесь. Другого выхода все равно нет. Вы выдадите меня, — ну меня расстреляют: Я смерти не боюсь, иначе я сюда не переправился бы. Но что из этого? Погибну я, — через полдня погибнете вы: я — от руки русских, вы — от руки немцев. Зачем вам это? Что вам хорошего сделали они, чтобы из-за них губить и себя и меня? Если бы не все это, не эта революция, вы бы давно имели покой, уважение, вы были бы генералом, наконец. Но это неважно, не в этом дело. Дело в том, чтобы спастись сейчас. Ведь так? Вы согласны?

ВАСИН. А вы точно знаете, что завтра предстоит атака?

КОЗЛОВСКИЙ. Да, да. Точно.

ВАСИН. Хорошо. Пойдемте в штаб и там у меня спокойно обсудим, как лучше это сделать.

КОЗЛОВСКИЙ. Зачем? Что ж тут обсуждать?

ВАСИН. Как что? Вы говорите со мной, как мальчишка. Если это делать, то делать, как следует. Надо захватить штабные документы, бумаги, карты. Если переходить, надо переходить так, чтобы ценили; делать это, как взрослые люди, как офицеры, наконец, а не как дети. Неужели же вы не понимаете?

КОЗЛОВСКИЙ. Да. Вы совершенно правы, но...

ВАСИН. Но вы боитесь, что я вас там выдам? Я мог бы сделать это и здесь, не таская вас туда. Не валяйте дурака. Сейчас придет караульный начальник, и пойдем. И скорей, потому что если делать — то делать, нам с вами некогда терять время. Кстати, вот вы — так называемый разведчик, а вы знаете, что сегодня, через полчаса, у Южной балки должна туда переходить Анощенко? Вы сообщили это вашему лазутчику? Не догадались, наверно?

КОЗЛОВСКИЙ. Нет, я догадался и сообщил. Вы обо мне слишком плохо думаете.

ВАСИН. Ну, простите, если так, то это хорошо.

Входят караульный начальник и красноармеец.

ВАСИН. Товарищ сержант, смените часового. Тут, очевидно, кто-то подплывал к берегу. Я слышал всплески, а он ничего не слышал. Немедленно смените его и арестуйте.

КАРАУЛЬНЫЙ НАЧАЛЬНИК. Есть, товарищ майор.

ВАСИН. Я взял у вас в караульном помещении карабин, возьмите его обратно. (Козловскому.) Ну, скорей. (Взглянув на часы.) До рассвета осталось три часа, пошевеливайтесь! (Скрывается.)

Конец пятой картины и второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина шестая

Шгаб Сафонова. Ночь. За столом — очевидно, после ужина — Глоба, Панин, лейтенант Васильев. Шура убирает со стола. Глоба мурлычет себе под нос. Молчание. Лейтенант, вынув из кармана гимнастерки фотографию, разглядывает ее.

ГЛОБА. Это что у тебя?

ЛЕЙТЕНАНТ. Девушка.

ГЛОБА. А ну, дай.

Все молча, по очереди, смотрят на карточку.

ГЛОБА. Интересная из себя. *(Передает Панину.)*

ПАНИН. Да, красивая. *(Отдает лейтенанту.)*

ЛЕЙТЕНАНТ. Полгода не видала. Забыла уже, наверно.

ГЛОБА. Дай-ка! *(Смотрит еще раз. Отдает карточку.)* Нет, не забыла.

ЛЕЙТЕНАНТ. Не забыла?

ГЛОБА. Факт. Очень симпатичная девица. Полное доверие у меня лично вызывает. Не забыла. Ты и беспокоиться брось.

ЛЕЙТЕНАНТ *(смотрит на карточку. Панину),*
А у вас есть, товарищ старший политрук?

ПАНИН. У меня? Где-то есть.

ЛЕЙТЕНАНТ. Показали бы.

ПАНИН. Далеко где-то.

ЛЕЙТЕНАНТ. Показали бы.

ПАНИН (роется в карманах, вынимает карточку). Измялась вся.

ЛЕЙТЕНАНТ (сматривает). Ишь, какая!.. (Перевертывает.) Простите, тут письмо... Я случайно...

ПАНИН. Ничего, тут ничего особенного не написано.

ЛЕЙТЕНАНТ. А глаза какие! Эта — ждет! Эта непременно ждет...

САФОНОВ (входит, отряхиваясь). Дождь пошел. (Пауза.) Что, дом вспомнить потянуло? Далеко теперь твой дом, а, писатель?

ПАНИН. Далеко.

САФОНОВ. Глоба, а твоя где фотография, не вижу?

ШУРА. А ему, по его характеру, целый альбом нужно возить.

ГЛОБА. Вот это уж неверно, Шурочка. Человек я, правда, холостой, но, чтобы целый альбом возить, — это нет. Если возить, так это уж надо одну какую-нибудь, чтобы сердце билось при взгляде, — например, хотя бы вашу. Но вы же мне не подарите?

ШУРА. Нет, не подарю.

ГЛОБА. Ну, вот, видишь. Хоть у капитана, впрочем, тоже нет фотографии. То есть она могла бы тут рядом сидеть, да он все отсылает ее от себя.

САФОНОВ. Ты не трогай этого. Знаешь же, что больше некого...

ГЛОБА. А хотя бы меня.

САФОНОВ. Твое время еще придет. Я тебя на крайний случай держу.

ГЛОБА. Это на какой же такой крайний случай?

САФОНОВ. Крайний случай? А вот если пропадет она, ты и пойдешь.

Молчание.

Теперь еще отсидеться два дня — и порядок. (Паничу.) И придется тебе, начальник особого, сдать свои дела и опять в писатели податься.

ПАНИН. Да, в газете уже, наверное, думают, что пропал их собственный корреспондент. Когда мы соединимся, я напишу статью «Мой немец»: о том, как я убил первого немца своими руками, вот этими, которыми до войны только карандаш держал.

Быстро входит Васин, за ним Козловский.

ВАСИН. Товарищ капитан, переправилась Анощенко?

САФОНОВ (взглянув на часы). При мне нет, но сейчас уже, должно быть... А что?

ВАСИН. Где, у Южной балки?

САФОНОВ. Да, а что?

ВАСИН. Товарищ лейтенант, соедините со второй ротой! Быстро!

Во время последних слов Козловский, стоявший рядом с Васиним, выхватывает револьвер, но Васин, очевидно, незаметно следивший за ним,

поворачивается, легким движением перехватывает его руку и вывертывает ее. Револьвер падает.

Прежде чем брать в руки оружие, надо уметь с ним обращаться.

САФОНОВ. Что это значит?

ВАСИН. Сейчас, товарищ Панин, возьмите красноармейцев и выведите его отсюда.

ПАНИН (открыв наружную дверь). Дежурный! (Входит красноармеец.) Взять ко мне!?

ВАСИН. Нет, пока куда-нибудь сюда. И последите за ним.

ПАНИН (отворив дверь в соседнюю комнату). Идите. (Козловский не двигается.) Ну! (Козловский, Панин и красноармеец выходят.)

САФОНОВ. Что случилось, Александр Васильевич?

ВАСИН. Сейчас. (Лейтенанту.) Соединили?

ЛЕЙТЕНАНТ. Есть. Соединил.

ВАСИН (в телефон). Задержите Анощенко, если еще не переправились. Я спрашиваю: переправили или нет? (Пауза.) Я знаю, о чем можно по телефону разговаривать и о чем нельзя. Переправили или нет? Понятно. Так. Переправили. Оpozдал.

САФОНОВ. Александр Васильевич, может, объяснишь, все-таки?

ВАСИН. Так точно. Сейчас объясню. (Кивает на дверь, в которую увели Козловского.) Вот этот, мой племянник, объяснит. Пойдемте. (Проходят в ту же комнату.)

ШУРА. Иван Ибаныч!

ГЛОБА. Ну?

ШУРА. Что же это? Неужели пропадет Валечка? А?

ГЛОБА (угрюмо). Молчи.

ШУРА. Неужели пропадет?

ГЛОБА. Молчи.

ШУРА. Неужели вам даже сейчас ее не жалко, что пропадет?

ГЛОБА (хватив кулаком по столу). Молчи об этом. Не будет этого!

САФОНОВ (показываясь в дверях). Глоба!

ГЛОБА. Да?

САФОНОВ. Глоба, одевайся в штатское. Скорей. Где оно у тебя?

ГЛОБА. В госпитале.

САФОНОВ. Беги. (Закрывает дверь.)

ГЛОБА. Вот и пришел мой крайний случай, Шурочка. (Идет к двери, оборачивается.) Там у тебя, наверно, из-под одеколона пузырек есть, так ты мне водки в него приготовь, чтобы, как переплыву, греться было чем. (Выходит.)

ШУРА (одна) (подходит к столу, где стоит ее машинка, роется в ящиках, достает флакон, задумчиво смотрит на него). Валечкин. Осталось немножко... Все равно теперь...

Входят Сафонов, Васин, за ними, между Паниным и красноармейцем, Козловский, без пояса, с сорванными петлицами.

САФОНОВ. Глоба ушел?

ШУРА. Да.

САФОНОВ. Хорошо. (*Васину.*) Ну что ж. Надо кончать. По-моему, все ясно.

ВАСИН. Я не видел его четырнадцать лет, и он значительно изменился. Но, все-таки, очевидно, мог бы узнать... если бы был внимательнее. Готов за это понести ответственность.

САФОНОВ. Да что там ответственность, Александр Васильевич. Подумаешь, из-за такой сволочи расстраиваться. Ну, племянник он тебе, ну и шут с ним. Расстреляем — и не будет у тебя племянника. Товарищ Панин! Пойди к себе, протокол составь. Только не долго занимайся. Ему до утра незачем жить, лишнее ему жить до утра. Понятно?

ПАНИН. Понятно.

Козловский, съездившись, стоит у стенки.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Пойдем!

КОЗЛОВСКИЙ (*проходя мимо Васина*). Я умру, но будьте вы прокляты!.. Вы... вы мне не дядя.. вы...

САФОНОВ. Конечно, он тебе не дядя. Кто же захочет быть дядей такой сволочи.

Панин, красноармеец и Козловский выходят.

ВАСИН. Я подам рапорт, товарищ капитан, и буду просить расследовать это дело, со своей стороны...

САФОНОВ. А иди ты со своим рапортом, Александр Васильевич. Нам с тобой некогда ра-

порты писать, нам еще завтра драться нужно.
(Опускает голову на стол, молчит.)

ВАСИН. Что с вами, Иван Никитич?

Сафонов молчит.

Что с вами, Иван Никитич?

САФОНОВ (*глухо*). Про мост она им не скажет, это мы попраем. Глобу пошлем. Она не скажет... А если... Все равно не скажет. А ты понимаешь, Александр Васильевич, что это значит — не скажет?

ДЕЖУРНЫЙ (*открывает дверь*). К вам из армии, товарищ капитан.

САФОНОВ. Из армии? Кто из армии?

ГАВРИЛОВ (*входя*). Капитан Гаврилов, из штаба сорок третьей.

САФОНОВ (*поднимаясь ему навстречу*). Здорово. Сафонов, капитан. На самолете?

ГАВРИЛОВ. Да. Признаться, замерз.

САФОНОВ. Давай, Шура, быстрее! И насчет чайку.

Шура что-то тихо шепчет ему на ухо.

Ну, что же делать. Все равно, давай из завтрашнего. Это насчет воды, — мол, воды нет. Ничего. Найдём. Садитесь, знакомьтесь. Кто прислал-то вас?

ГАВРИЛОВ. Генерал-майор Луконин.

САФОНОВ. Ну, как там?

ГАВРИЛОВ. Подходим.

САФОНОВ. Ишь ты! Значит, через день-другой здесь будете?

ГАВРИЛОВ. Похоже на то. Сейчас я вам вручу приказ.

САФОНОВ. Хорошо. Давно я приказов не получал. Устала у меня голова от самостоятельных действий.

Гаврилов передает ему приказ.

САФОНОВ (*разрывая пакет*). А мы тут вам навстречу сюрприз приготовили. (*Тихо.*) Мост должны сегодня к утру рвануть, все, что на той стороне лимана, у немцев, там и останется.

ГАВРИЛОВ. Мост?

САФОНОВ. Ага! (*Читает приказ.*) Так, так... Да... Вот оно какое дело. Что ж, придется мост... отставить придется мост, Александр Васильевич.

ВАСИН. Отставить?

САФОНОВ. Отставить. (*Присвистнул, протягивает ему приказ.*) Васильев!

ЛЕЙТЕНАНТ. Я!

САФОНОВ. Позвони командирам, кто на месте есть. Скажи, я собираю. (*Гаврилову.*) Они быстро. Небольшой у нас тут кусок земли остался, всех за полчаса собрать можно. Прочел, Александр Васильевич?

ВАСИН. Прочел.

САФОНОВ (*тихо*). Придется нам, кажется, с тобой, Александр Васильевич, отложить эту мысль — насчет в живых остаться. А?

ВАСИН. Так точно.

ГАВРИЛОВ. Вам еще личная записка от генерала.

САФОНОВ. Вот оно как! Ну, давай. (*Берет записку, читает про себя.*) Ишь ты! «Дорогой мой бывший водитель, а ныне капитан! — Это верно. — Вспомните Халхин-Гол». Что же, вспомним. Ну, и там всякие еще слова. От генерала — приятно, а от старого знакомого — вдвойне. Ну, что ж, вспомним Халхин-Гол, вспомним, товарищ генерал. Авось никто нас не попрекнет. Будем живы — не попрекнет, умрем — тоже не попрекнет. (*Входит Панин.*) Ну что, закончили?

ПАНИН. Да. А насчет протокола...

САФОНОВ. Не надо, это теперь прошлое. Эти подробности мне теперь лишние. Панин, вот получил я приказ. Армия к лиману подходит. Немцы находятся прижатые к воде. И что была мысль взорвать мост у них в тылу, так теперь мысль эта неправильная. Вот товарищ капитан привез приказ оставить город, собрать все силы и захватить мост хотя бы на два часа. До подхода наших частей. Чтоб они по этому мосту потом дальше могли идти. Ясно?

ПАНИН. Ясно.

САФОНОВ. Ясно, но тяжело. Придется нам с тобой, Панин, с людьми говорить. Потому что взорвать мост — это пустяки рядом с тем, чтобы взять мост. Потому что люди устали, они уже надеялись, что им переждать теперь два дня, пока наши придут, — и все. А им еще надо теперь

мост брать, жизнь свою класть за этот мост. Это объяснить надо людям. Понимаешь, Панин?

ПАНИН. Объясним.

САФОНОВ (Гаврилову). Это вроде как человек воюет полгода, потом ему отпуск на завтра дают, а перед отпуском за два часа говорят: иди опять в атаку. Вот для него эта атака самая тяжелая. Сделаем, но тяжело. Мост — это я лично на себя беру. А ты, Александр Васильевич, чтобы их с толку сбить, ты, что от второй роты осталось, — возьмишь и у Северной балки будешь вид делать, что прорваться хочешь. Но такой вид делать, Александр Васильевич, чтобы похоже было; чтобы они про мост забыли, совсем забыли, чтобы на тебя все внимание обратили.

ВАСИН. Значит, демонстрация?

САФОНОВ. Да, демонстрация. Но только ты забудь это слово. Люди всерьез должны у тебя идти: это не всякий выдержит, чтобы знать, что без надежды на смерть идешь. Это ты можешь выдержать, а другой может не выдержать. Вот Панин с тобой пойдет за комиссара.

ВАСИН. Я только опасаясь, что они не попадутся на эту удочку.

САФОНОВ. Попадутся, я так придумал, что попадутся.

Входит Глоба в штатском.

Вот Глоба поможет, чтоб попались. Иди сюда, Глоба!

Глоба встает перед ним.

Вот какое дело. Пойдешь на ту сторону, найдешь Василия, передашь ему, что взрыв моста отставить. Ясно?

ГЛОБА. Ясно.

САФОНОВ. Сделаешь это...

ГЛОБА. И обратно?

САФОНОВ. Нет, сделаешь это и... потом пойдешь в немецкую комендатуру.

ГЛОБА. Так.

САФОНОВ. Явившись к немецкому коменданту, или кто там есть из начальства, скажешь, что ты есть бывший кулак, лишенец, репрессированный, — в общем, найдешь, что сказать. Понятно?

ГЛОБА. Понятно.

САФОНОВ. Что угодно скажи, но чтобы поверили, что мы у тебя в печенках сидим. Понятно?

ГЛОБА. Понятно.

САФОНОВ. Так. И скажешь им, что бежал ты сюда, от этих большевиков, будь они прокляты, и что есть у тебя сведения, что, ввиду близкого подхода частей, хотим мы из города ночью вдоль лимана прорваться у Северной балки. Ясно? И в котором часу скажешь. Завтра в восемь.

ГЛОБА. Ясно.

САФОНОВ. Ну, они тебя, конечно, в оборот возьмут, но ты стой на своем. Они тебя под замок посадят, но ты стой на своем. Тогда они поверят. И тебя они держать как заложника будут: чтобы, ежели не так выйдет, то расстрелять.

ГЛОБА. Ну, а как же выйдет: так или не так?

САФОНОВ. Не так. Не так, Иван Иванович, выйдет, не так, дорогой ты мой. Но другого выхода у меня нету. Вот приказ у меня. Читать тебе его лишнее, но имей в виду: большая судьба от тебя зависит, многих людей.

ГЛОБА. Ну, что ж. (Пауза.) А помирать буду, песни петь можно?

САФОНОВ. Можно, дорогой, можно.

ГЛОБА. Ну, коли можно, так и ладно. (Тихо.) В случае чего, встречусь я с ней там, на один пугундер посажены будем,— что передать, что ли?

САФОНОВ. Что ж передать? Ты ей в лицо посмотри: если увидишь, что ей, может, это ни к чему, то не говори; если увидишь — к чему, то скажи: просил Сафонов передать, что любит он тебя. И все тут.

ГЛОБА. Хорошо.

САФОНОВ. Ну, что же...

ГЛОБА. Говорят, старая привычка есть: посидеть перед дорогой, на счастье. Давай-ка сядем.

Все садятся.

ГЛОБА. Шура!

ШУРА. Да?

ГЛОБА. Ну-ка, мне полстаканчика на дорогу.

Шура наливает ему водки.

ГЛОБА (выпив залпом, обращается к Гаврилову). Что смотришь, товарищ капитан? Это ведь не для храбрости, это для теплоты пью. Для храбрости это не помогает. Для храбрости мне

песня помогает. (Пожимает всем руки. Дойдя до двери, поворачивается и вдруг запекает: «Соловей, соловей-пташечка». С песней скрывается в дверях.)

Молчание.

САФОНОВ. Ты слышал или нет, писатель? Ты слышал или нет, как русские люди на смерть уходят?

Конец шестой картины

Картина седьмая

Обстановка четвертой картины. Дом Харитонов. Хозяев нет. Столовая обращена в караульное помещение. Все опустошено. Поломанная мебель, изорванные занавески, забытые портреты на стенах. Окна забиты снаружи крест-накрест деревянными планками. Одна из внутренних дверей обита железом и закрыта на засов. Через застекленный верх наружной двери время от времени видны каска и штык часового. На сцене за столом Вернер с обвязанной головой и писарь Краузе.

ВЕРНЕР. Вы дурак, Краузе, потому что, когда взяли эту девицу, надо было сначала ее допросить (кивнув на обитую железом дверь), а потом уже сажать с остальными.

КРАУЗЕ. Разрешите доложить, господам капитан, ее посадили с остальными, потому что вас не было.

ВЕРНЕР. Все равно, был я или не был, ее нельзя было сажать с ними. Теперь она говорит только то, о чем они сговорились. Теперь она уверяет, что она была прислана к этой старухе, и все. А причиной этому только то, что вы дурак. Ясно вам это?

КРАУЗЕ (*вставая*). Так точно, господин капитан.

ВЕРНЕР. Введите ее.

Солдат вводит Валю. У нее измученный вид. Руки бессильно висят вдоль тела.

ВЕРНЕР. Я слышал, что вас избили?

ВАЛЯ. Да.

ВЕРНЕР. И вас опять избьют завтра, так же, как и сегодня, если вы сегодня будете говорить то же, что и вчера. Но если вы скажете что-нибудь новое, то вас больше не будут бить. вас просто расстреляют. Вы слышите, даже не повесят, а только расстреляют. Даю свое солдатское слово.

Валя молчит.

Зачем вы переправились?

ВАЛЯ. Я уже сказала. Я переправилась сюда (*говорит смертельно усталым тоном, видимо, глухие слова*), чтобы успокоить мать одного нашего командира, чтобы сказать, что вскоре их всех освободят. Она сидит здесь, она может сказать, что я говорю правду.

ВЕРНЕР. Конечно, она может сказать это после того, как вы сговорились, благодаря тому,

что мой писарь — идиот. А зачем у вас с собой был браунинг? Для того чтобы передать сыновний подарок, что ли?

БАЛЯ. Нет. Браунинг... я взяла его для того, чтобы застрелиться, если...

ВЕРНЕР. У нас не дают стреляться женщинам. Мы их избавляем от этого труда. Имейте это в виду.

БАЛЯ (все тем же смертельно усталым тоном). Я же сказала: я пришла к матери одного из наших командиров...

ВЕРНЕР (хлопнув по столу кулаком). Я слышал это! Краузе!

КРАУЗЕ. Да.

ВЕРНЕР. Давайте старуху.

Краузе вводит Марфу Петровну. У нее растрепанные седые волосы и руки висят так же неподвижно, как у Вали.

ВЕРНЕР (Марфе Петровне). Для чего вот эта (кивает на Валию) приходила к вам? Должна была прийти к вам, если бы мы не задержали ее?

Марфа Петровна молчит.

Сколько раз она у вас была?

Марфа Петровна молчит.

Вот сейчас без двух минут семь. Если до семи ты мне не ответишь, будешь повешена. Все. (Откидывается на спинку кресла в позе ожидающего человека.)

МАРФА ПЕТРОВНА. Я вам отвечу, господин офицер. Если уж две минуты осталось, то я вам отвечу.

ВЕРНЕР. Ну?

МАРФА ПЕТРОВНА. Я слышала, что вы из города Штеттина, господин офицер.

ВЕРНЕР. Ну?

МАРФА ПЕТРОВНА. Хотела бы полететь к вам туда невидимо, в ваш город Штеттин, и взять ваших матерей за шиворот и перенести их сюда по воздуху и сверху им показать, чего их сыновья наделали. И сказать им: «Видите, вы, суки, кого вы народили! Каких жаб на свет родили! Каких вы гадюк на свет родили!» И если бы они своих сыновей не проклинали после того, то убила бы я их вместе с вами, с сыновьями ихними!

ВЕРНЕР. Молчать!

МАРФА ПЕТРОВНА. Молчу! Я тебе все сказала. Прошли две твоих минуты. Вешай.

ВЕРНЕР (смотрит на часы). Еще десять секунд. Я жду.

МАРФА ПЕТРОВНА. Нечего мне больше тебе говорить.

Пауза.

ВЕРНЕР (смотрит на часы). Ну? (Пауза.) Вывести и повесить.

Краузе уводит Марфу Петровну. Она в дверях молча поворачивается к Вале и низко ей кла-

няется. За дверью, передав ее солдатам, Краузе возвращается. Пауза.

ВЕРНЕР (взглянув еще раз на часы). Ну, вот сейчас ее повесят. Да, да, через минуту. Только потому, что ее сейчас все равно повесят, я разрешил ей сказать то, что она сейчас сказала. Вы будете говорить?

ВАЛЯ. Я уже вам сказала, меня прислали сюда от одного из командиров, чтобы сказать...

ВЕРНЕР. К кому вы сюда шли?

ВАЛЯ. Я уже сказала.

ВЕРНЕР. Хорошо. Значит, вы взяли браунинг на тот случай... Я сам, правда, не одобряю этих случаев, но вот Краузе, он их любит. Когда вы сменитесь с дежурства, Краузе, вы можете взять ее к себе под домашний арест. Ясно?

КРАУЗЕ. Ясно, господин капитан.

ВЕРНЕР. Он сменится с дежурства в десять, если вы, конечно, до этого не передумаете.

СОЛДАТ (входя). Господин капитан, явился перебежчик. Разрешите?

ВЕРНЕР. Давайте его.

Входит Глоба.

ВЕРНЕР. Откуда?

ГЛОБА. Оттуда, господин офицер, сам перешел.

ВЕРНЕР. Кто вы?

ГЛОБА. Я фельдшер. Глоба моя фамилия.

ВЕРНЕР. Садитесь.

ГЛОБА. Покорно благодарю, господин офицер.
ВЕРНЕР. Почему перешли?

ГЛОБА. Да что же, господин офицер, своя рубашка ближе к телу. Не пропадать же всем русским людям через этих большевиков.

ВЕРНЕР. Ну, говорите, что вы хотели сказать. Наверное, что-то хотели?

ГЛОБА. Конечно, господин капитан. Я во сне видел, как уйти оттуда, они у меня все отняли. Сам лет пять сидел, а теперь через них же и пропадай. У меня сообщение важное есть, но только вот (оглядывается на Валу).

Валя молча, с ненавистью, оглядывается на него.

ВЕРНЕР. Ничего. Ее сегодня все равно... Можете при ней.

ГЛОБА. Разрешите папиросочку, господин офицер.

ВЕРНЕР. Краузе, дайте ему папиросу.

ГЛОБА (закуривая). Покорно благодарю! (Тихо, перегибаясь через стол.) Господин офицер, у них воды совсем больше нет. Патрон нет. Они решили, кто здоровы, особенно из начальства, сегодня к ночи у Северной балки вдоль лимана пробиваться. Они ночью атаку там думают делать. Они думают, что не ждет немец этого, — то есть, простите, не ждете, значит, вы этого... и вот хотят.

ВЕРНЕР. Это правда?

ГЛОБА. Истинная правда, господин офицер. Я как только узнал, так сразу же и перебежать

решился, потому что, думаю, ежели так просто, то, может, и расстреляете вы меня, а ежели сообщение я принесу, то вы сразу, что я человек преданный, увидите.

ВЕРНЕР. Когда это должно быть?

ГЛОБА. Скоро, в восемь часов.

ВЕРНЕР (задумывается, вынимает из планшета карту). Подите сюда. Здесь?

ГЛОБА (заглядывает). Так точно, здесь.

ВЕРНЕР. А чем вы можете доказать?

ГЛОБА. Так через полчаса же начнется. Сами увидите.

ВЕРНЕР. А вы знаете, что русские подошли к самому лиману? Слышите?

Слышна канонада.

ГЛОБА. Слышу, господин офицер. Так ведь это же тут. А у меня домик был под Винницей. И жена там, и все. Я через вас только туда и попасть могу. А что все правда, вы не сомневайтесь. Я же у вас, господин капитан. Вы, если что, меня раз-два — и готово. Это же мне вполне ясно.

ВЕРНЕР. Да, это должно быть вам ясно, очень ясно. Краузе, уведите их.

Краузе выводит Валью и Глобу в комнату с железной дверью, возвращается.

А теперь соедините меня со штабом.

Краузе берет за телефон.

КРАУЗЕ. Готово, господин капитан!

ВЕРНЕР (по телефону). Господин майор, тут прибыл перебежчик оттуда — из той половины города. Он заявляет, господин майор, что у них ни воды, ни патронов, что они отрезаны от своих и не знают, что происходит на самом деле. Он сообщает точные сведения. Сегодня в восемь они будут пробовать прорваться из города у Северной балки, вдоль лимана. Он сообщает, что это должно начаться в восемь часов. Да. Да. По-моему, взять туда четвертую роту от моста. Да. Ну, что ж, на мосту останутся два взвода, и потом... потом они никогда не решатся из города итти на мост... Да, конечно, проверю. Слушаю. Будет сделано. (Кладет трубку, встает.) Краузе! Сегодня вы им дадите есть. Ясно?

КРАУЗЕ. Ясно.

ВЕРНЕР. Вы вызовите их сюда, дадите им по куску, и, когда подойдет этот Семенов, вы передадите ему с куском незаметно эту записку. Это уже не в первый раз, он поймет.

КРАУЗЕ. Может быть, просто вызвать его одного, господин капитан?

ВЕРНЕР. Это слишком просто. Это просто для нас, но просто и для них. Мы его спросим через час. (Пауза.) Да, когда дадите им хлеб, до моего прихода оставьте их здесь. Здесь у них скорее развяжутся языки. А сами, сами выйдите и по-смаатривайте через эту дверь.

КРАУЗЕ. Хорошо, господин капитан.

Вернер выходит.

КРАУЗЕ (отворив железную дверь). Эй, вы! Идите сюда.

Выходят Семенов, Глоба и Валя.

КРАУЗЕ (взяв тарелку с несколькими кусками хлеба). Берите хлеб. Господин комендант приказал вам выдать хлеб. (Вале.) Вы берете?

Валя молчит.

КРАУЗЕ (швыряет к ее ногам кусок хлеба. Глобе). Вы?

Глоба подходит и берет хлеб. Краузе подходит к Семенову и дает ему хлеб в руки. Семенов ест хлеб, стоя спиной ко всем. Глоба внимательно смотрит на него. Краузе выходит.

ВАЛЯ (тихо). Ну, Иван Иванович, скажите, что это неправда, что вы это все придумали. Скажите, мы же здесь все свои, а?

ГЛОБА (громко). Отстань ты. Довольно я там унижался. Я теперь за все отплачу. За ваши пакости. За дом мой поломанный. За тюрьму, где я сидел, за все.

ВАЛЯ. Какой же вы мерзавец. Если бы я только знала! Я бы вас убила! И Иван Никитич убил бы!

ГЛОБА. Ну, это если бы да кабы... А теперь руки коротки.

ВАЛЯ (Семенову). Товарищ, вы слышите, что он говорит. Ведь вот он же сейчас пришел и всех выдал и рассказал, как наши хотят из горо-

да выйти, и где, и когда. Они все погибли из-за него. Если бы у меня что-нибудь было. (*Подходит близко к Глобе, с трудом поднимает руку.*) Вот! (*Ударяет его. Глоба с силой отталкивает ее. Она пошатнулась, садится на стул у стены.*)

Долгое молчание.

ГЛОБА (*заметив, что Семенов отвернулся, подходит к Вале, тихо толкает ее*). Валя!

ВАЛЯ (*громко*). Что?

На ее голос оборачивается Семенов.

ГЛОБА (*меняя тон*). Вот что я вам скажу, ба-рышня. Вы не очень! Я не люблю, когда меня руками трогают. Это я вам, конечно, на первый раз по вашей женской слабости прощу. А там, имейте в виду, и до вас руками коснуться можно.

ВАЛЯ. Как я могла раньше не догадаться? Вы же всегда такие вещи говорили, что мне противно было. Вот вы какой. А я не догадалась.

СЕМЕНОВ (*быстро подойдя к ней*). А ты не огорчайся! (*Кивнув на Глобу.*) Это же свой товарищ, это же он так. Для осторожности. (*Глобе, сердито.*) Что ты в самом деле дурака валяешь? Что мы, немцы, что ли? Всем нам один конец. Что же, до самой смерти, что ли, теперь друг друга подозревать? Смотри, до чего ее довел. С заданием ведь перешел? Я-то знаю, как это бывает.

ГЛОБА. А иди ты, знаешь, куда? Все вы думаете, что для вас с заданиями ходят. Жить

я хочу. Понятно? Вот и все мои задания. Ничего мне такого ваша советская власть не дала, чтобы помирать мне за нее.

ВАЛЯ (Семепову). Они у меня все руки вывернули. Ну, ударьте ж хоть вы его, ради бога, чтобы почувствовал оп, какой он гадюка.

Семепов подходит к Глобе и замахивается.

ГЛОБА (выкрутив ему руку). Ну, ну, потише, а то я сейчас в дверь стукну, скажу немцам, что ты тут партизанскую войну разводишь. Я им, знаешь, какие сведения принес? Они тебе за меня ноги переломают. (Пауза. Внимательно смотрит на оставшиеся от Харитоновы старые дубовые часы с маятником. На часах ровно восемь.) Что, часы правильные?

Все молчат.

Часы, говорю, правильные?

СЕМЕНОВ. А что тебе часы? (С интересом.) Зачем тебе, который час знать надо?

ГЛОБА. Я спросил, часы правильные? И больше я вопросов к тебе не имею, так что молчи. (Прислушивается.)

*Из тишины доносятся первые далекие выстрелы.
Свет гаснет.*

Конец седьмой картины

Картина восьмая

Обстановка пятой картины. Берег лимана. Тревожная музыка близкого боя. Два красноармейца, поддерживая, вводят на сцену Васина. Усаживают его.

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ. Ну, как, товарищ майор?

ВАСИН. Ничего.

ВТОРОЙ КРАСНОАРМЕЕЦ (*отодрав рукав рубашки, перевязывает Васину грудь*). Ишь, как бежит. Сейчас я стяну, товарищ майор, потуже: оно легче будет.

ВАСИН. Кого-нибудь из командиров ко мне.

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ. Сейчас, товарищ майор. (*Уходит.*)

ВАСИН. Седьмая и, кажется, последняя.

Входит Панин.

Кто это?

ПАНИН. Панин.

ВАСИН. Седьмая и, кажется, последняя. Как там, товарищ Панин?

ПАНИН. Немцы, видимо, ждали. Их много. Были готовы и встречают.

ВАСИН. Это хорошо. Хорошо, что встречают. Очень хорошо, что встречают... (*Пауза.*) А от капитана никого нет?

ПАНИН. Пока нет. Что прикажете делать, товарищ майор?

ВАСИН. По-моему, нам приказ не меняли: наступать. Сейчас третий взвод подойдет, поведете его.

ПАНИН. Есть.

ВАСИН. Вместо меня примите команду.

ПАНИН. Есть.

ВАСИН. Кажется, слышно что-то от моста... а?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Так точно. Слышно, товарищ майор.

ВАСИН. Я уже плохо слышу. Сильно стреляют, а?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Сильно, товарищ майор.

ВАСИН. Это хорошо.

Вбегает лейтенант.

ЛЕЙТЕНАНТ. Где майор?

ВАСИН. Я здесь. Откуда?

ЛЕЙТЕНАНТ. Товарищ Сафонов просил передать, что наши уже у самого моста. Уже идет бой. Вы можете отходить.

ВАСИН. Хорошо! *(Вдруг громким голосом.)* Последний раз в жизни хочу сказать: слава русскому оружию! Вы слышите: слава русскому оружию! *(Панину.)* Прикажите начать отход! *(Лейтенанту.)* А капитану передайте, капитану передайте, что... *(Опускается на руки красноармейца.)*

Панин наклоняется над ним, потом выпрямляется, снимает фуражку.

ПАНИН. А капитану передайте, что майор Васин пал смертью храбрых, сделав все, что мог, и

даже больше, чем мог. И еще передайте, что команду над ротой принял начальник особого отдела Панин. Можете идти.

Конец восьмой картины

Картина девятая

Обстановка седьмой картины. Свет загорается снова, на часах десять. Глоба поврежнему ходит по комнате. Валя полулежит на стуле. Семенов из своего угла внимательно наблюдает за обоими.
Слышна близкая канонада.

ГЛОБА (прислушиваясь). Десять... Что ж, десять — хорошее время. Подходящее.

СЕМЕНОВ. Для чего?

ГЛОБА. Для всего. Смотря, что кому надо. Совсем забыли о нас хозяева. Видать, не до того им, а?

СЕМЕНОВ (угрюмо). Не знаю.

ГЛОБА. Не знаешь? А я думал, как раз ты и знаешь.

За стеной раздаются совсем близкие выстрелы и пулеметная трескотня.

СЕМЕНОВ (испуганно). На улицах стреляют, а? Уже на улицах!

ГЛОБА. А чего ты боишься? Это же ваши, небось, стреляют. Небось, в город входят! Это мне бояться надо. А тебе что?

ВАЛЯ. Неужели пришли? (Семенову.) Наши идут, а?

СЕМЕНОВ. А ну тебя... (Прислушивается.)

ГЛОБА (подходя к нему). Ты что же? Тебе что, не нравится, что ли?

СЕМЕНОВ. Отстань. (Прислушивается.)

ГЛОБА. А ну, повернись-ка!

Семенов поворачивается.

Дай-ка я на тебя посмотрю, какой ты был? Так. Ну, а теперь, какой будешь? (Бьет его по уху.) А это — для симметрии. (Снова бьет по уху и третьим ударом валит на пол.) А теперь лежи, тебе ходить по земле нечего. Привыкай лежать. Расстреляют — лежать придется.

ВАЛЯ. Что вы делаете?

ГЛОБА. А то и делаю, Валечка, что морду ему бью, сволочу. Наши в город ворвались. Теперь кончена моя конспирация. А то, значит, что немцы тикают. И сейчас нас стрелять будут. Это уж точно, это у них такая привычка. И не хочу я перед смертью, чтобы ты меня по ошибке за сволочь считала. Вот, что значит.

ВАЛЯ (бросаясь к нему, обнимает его). Иван Иванович, милый! Иван Иванович!

ГЛОБА. Ну, чего?

Валя молча прижимается к нему.

Ну, чего там? Чего расплакалась? Как на меня кричать, — так не плакала. А теперь в слезы?

Сердитая ты, девка. Я думал, глаза мне выпара-
паешь.

ВАЛЯ. А я так измучилась. Если бы вы только
знали, как измучилась.

ГЛОБА. А я — на тебя глядя. Ничего, Валечка,
ничего. Ты уж извини. Мы еще с тобой сейчас
«Соловей, соловей-пташечка» споем. Только ты,
голуба, имей в виду, сейчас расстреливать при-
дут. Это уже непременно.

ВАЛЯ. Пускай, это пускай. Мне уж теперь все
равно... Но наши, наши ведь войдут?

ГЛОБА. Войдут! А как же! Потому нас и рас-
стреляют, что наши непременно войдут. Это, как
пить дать.

Семенов порывается к двери.

ГЛОБА (опять сваливает его на пол). Ну, куда?
Ты же сидел с нами, ты еще посиди. Тебе же
немцы с нами сидеть велели. Ну, и сиди. (Обра-
щаясь к Вале.) Ты что же? Слезы-то вытри. Ну
их к чорту. Мне их показать можно, а им, своло-
чам, не надо. Дай-ка я тебе в глаза погляжу.
(Смотрит.)

ВАЛЯ. Что?

ГЛОБА. Мне Иван Никитич наказал: в глаза
тебе посмотреть и сказать, если вместе помирать
будем, одно слово.

ВАЛЯ. Какое слово?

ГЛОБА. Что любит он тебя, просил сказать.
Вот и все. Больше ничего.

ВАЛЯ. Правда?

ГЛОБА. Что ж, разве я перед смертью неправду тебе скажу?

Совсем близкие выстрелы. Дверь с треском открывается, вбегают Краузе и солдат с автоматом.

КРАУЗЕ. Все в камеру.

ГЛОБА (обняв Валю за плечи). Пойдем! (Проходят в камеру.)

КРАУЗЕ. Быстрей! (Семенову.) Ты!

СЕМЕНОВ (бросаясь к нему). Господин Краузе... я же ваш. Вы же знаете. Меня нарочно сюда...

КРАУЗЕ (отпихивает его сапогом). В камеру!

СЕМЕНОВ. Подождите! Я должен вам сказать очень важное.

КРАУЗЕ. Ну, быстрей!

СЕМЕНОВ. Этот человек: он — их. Он все лгал.

КРАУЗЕ. Теперь нам это все равно. В камеру!

СЕМЕНОВ (хватает его за руку). Господин Краузе, позовите хоть господина капитана, я сам его позову! (Бросается к наружной двери. Когда он оказывается на пороге ее, Краузе стреляет ему в спину. За дверью слышно падение тела.)

КРАУЗЕ (солдату). Ну!

Солдат, подойдя к двери камеры, выпускает внутрь ее автоматическую очередь. Оттуда слышен голос Глобы, поющий: «Соловей, соловей-пташечка, канареечка жалобно поет. Эх, раз, эх, два!..»

КРАУЗЕ. Ну!

Солдат выпускает вторую очередь. Короткая тишина. За окном близкая трескотня выстрелов. Краузе и солдат выбегают. Снова выстрелы, потом долгая тишина. В дверях камеры появляется Валя. Она трогает себя за плечо, за руку. Рука не действует. Видимо, она ранена в плечо и в грудь. Прислоняется к стенке.

ВАЛЯ (обращаясь назад, в камеру). Иван Иванович, Иван Иванович.

Тишина.

Иван Иванович, Иван Иванович, вы живой? (Молчание.) Иван Иванович, милый, что же это? Смотрите, а я живая. (Молчание.) Неужели я одна живая? (Молчание. Опускается на кресло у стены.) —

Слышны выстрелы и грохот шагов. В комнату вбегают красноармейцы и Гаврилов.

ГАВРИЛОВ (останавливается в дверях). Товарищи!

Молчание. Оя всматривается.

Товарищи, есть тут живой кто?

ВАЛЯ. Я.

ГАВРИЛОВ (подходит к ней). Это что? Это они сейчас вас, да?

ВАЛЯ. Да, да. Чего-нибудь перевязать... Или нет. Вы сначала посмотрите, может быть, он там

живой... Он меня собой заслонил, когда они... но, может, он все-таки живой, а?

Гаврилов проходит в камеру, возвращается, качает головой.

ГАВРИЛОВ. У меня индивидуальный пакет есть. Я вам сейчас дам.

ВАЛЯ. Дайте. Это наши совсем вошли, да?

ГАВРИЛОВ. Совсем.

ВАЛЯ. А с ним ничего?

ГАВРИЛОВ. С кем?

ВАЛЯ. С Сафоновым?

ГАВРИЛОВ. Ничего. Он такой мужик, бес-
смертный. Нате, вот бинт.

Валя пробует перевязать себя здоровой рукой и не может. В комнату входит Сафонов в сопровождении лейтенанта и красноармейца.

САФОНОВ. Ну, вот тут ихняя комендатура была. Тут у них арестованные где-нибудь, поблизости... *(Замечает происходящую сцену.)*

Валя!

ВАЛЯ. Я...

САФОНОВ *(одному из красноармейцев)*. Давай кого есть, врача или Шуру. Давай скорей. *(Бросается к Вале.)* Что это? Что ты молчишь?

ГАВРИЛОВ. Должно быть, сознание потеряла. Только что говорила.

САФОНОВ *(берет ее за руку)*. Правда? Пройдет? Будет она живая, а, Гаврилов?

ГАВРИЛОВ. Будет. Она-то будет. (*Кивая на дверь камеры.*) А вон там...

САФОНОВ (*вскочив, проходит в камеру, возвращается с обнаженной головой*). Глоба... Погиб Глоба... Хороший был человек. Ты его мало знал. (*Вытирает глаза рукавом.*) Много у меня потерь, Гаврилов. Почти сил нет все это выдержать. Но надо.

Вбегает Шура.

ШУРА. Ой, Валечка! Господи ты, боже мой...

САФОНОВ. Не кудахтай. Перевяжи лучше, пока врача нет. (*Подходит к столу, наливает стакан воды, возвращается к Вале.*) Вот воды ей дай... (*Отходит.*) Скажи, пожалуйста, Глоба погиб, а?

На пороге появляется Луконин с адъютантом.

САФОНОВ (*поворачиваясь*). Товарищ генерал-майор...

ЛУКОНИН. Не надо, не докладывайте. Все, что можешь доложить, знаю. Здравствуй! (*Обнимает его.*) Здравствуй, Сафонов. С разных сторон в одном месте сошлись. Такая встреча — к счастью. (*Отстраняет от себя Сафопова.*) Э, брат, да ты постарел. Вон ты какой стал!

САФОНОВ. А что?

ЛУКОНИН. Скоро, брат, меня догонишь. (*На мгновение снимает фуражку с головы. Голова у него совсем белая.*) Видел? Скоро догонишь. Ну, что же, поскольку ты тоже город брал, придется тебе пока тут комендантом гарнизона

быть. Но это не надолго, мы дальше пойдем. Теперь уж точно.

САФОНОВ. Точно?

ЛУКОНИН. Точно. Ты же меня знаешь, — как сказал, так и сделаю. (Улыбнувшись.) Если даже лишнее скажу, и лишнее потом сделаю. (Адъютанту.) Ну-ка, на этот стол давай карту. Что стоишь, Сафонов? Садись.

САФОНОВ. Горе у меня, товарищ генерал-майор.

ЛУКОНИН. Ну?

САФОНОВ. Народу много пропало. Хорошие люди были.

ЛУКОНИН. Ну, что же сделаешь. Многих нет. Ничего не сделаешь. Савостьянова помнишь, на Халхин-Голе?

САФОНОВ. Помню.

ЛУКОНИН. Погиб недавно.

САФОНОВ. А Гулиашвили?

ЛУКОНИН. Живой. Два раза ранили его, опять воюет. Тут, по соседству. (Адъютанту.) Фамилии товарищей, которых немцы здесь повесили, узнали?

АДЪЮТАНТ. Узнали.

ЛУКОНИН. Завтра будем похороны делать. Последнее слово скажем погибшим товарищам. Последнее прости... (Пауза.) Так как же фамилки?

АДЪЮТАНТ (читает). Антонов Иван Николаевич, Петрова Анна Сергеевна, Синцов Петр Андреевич, Неизвестный, Никольский Василий, — это мальчик, — Полуяров Антон Андреевич, Са-

фонова Марфа Петровна, Ганыкин Алексей Тимофеевич, Дубов Семен Иванович...

ЛУКОНИН. Что с тобой, Сафонов?

САФОНОВ. Ничего. Ничего, товарищ генерал-майор. Ничего. (*Вставая и выходя на авансцену.*) Ничего такого. Только очень жить я хочу, долго жить. До тех пор жить, пока я последнего из них (*схватив из рук адъютанта список*), которые это сделали, своими глазами мертвым не увижу. Самого последнего, и мертвым. Вот здесь вот, под ногами у меня.

З а н а в е с

Редактор *Е. Р. Рамм.*
Г254237. Подписано к печати
9.8.42. Объем 3½ печ. л.; 3,7
уч.-авт. л. В печ. л. 44640
тип. зн. Зак. 538.

Набрано в 1-й тип. Управления
Воениздата НКО СССР имени
С. К. Тимошенко.

Сматрицировано и отпечатано
в 1-й Образцовой тип. Огиза
РСФСР треста «Полиграф-
книга». Москва, Валовая, 28.
Зак. № 2106.

42,00

422